

Йоран Терборн От марксизма к постмарксизму?

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

Йоран Терборн От марксизма к постмарксизму? Серия «Политическая теория»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35500707

От марксизма к постмарксизму? :

ISBN 978-5-7598-2229-5

Аннотация

В этой, с одной стороны, лаконичной, а с другой – обобщающей книге один из ведущих мировых социальных теоретиков Йоран Терборн исследует траектории движения марксизма в XX столетии, а также актуальность его наследия для радикальной мысли XXI века. Обращаясь к истории критической теории с позиций современности, которые определяются постмодернизмом, постмарксизмом и критикой евроцентризма, он анализирует актуальные теоретические направления – включая наследие Славоя Жижека, Антонио Негри и Алана Бадью, работает с изменившимися интеллектуальным, политическим и экономическим контекстами. В свете этих дискуссий Терборн переходит к масштабному исследованию параметров политики XXI века.

Книга является важнейшей итоговой оценкой марксизма в современную эпоху и будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна	5
Введение	28
Глава 1	35
Координаты политического пространства	43
Динамика политической сферы	68
Культуры критики	77
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Йоран Терборн От марксизма к постмарксизму?

Постмарксизм без знака вопроса: радикальная социальная теория Йорана Терборна

То, каким образом в отечественной интеллектуальной среде вдруг становится известно имя того или иного мыслителя или ученого, примерно понятно. Практически у каждого автора, каждой темы, школы или интеллектуального течения есть свои проводники в российской академии. Именно проводники новых имен выполняют одну из самых важных просветительских задач в науке. В этом отношении есть некоторая несправедливость в том, что имя шведского социолога Йорана Терборна до сих пор не стало широко узнаваемым в отечественной академии.

Между тем Терборна как социолога с мировым именем по влиянию можно сопоставить, пожалуй, с хорошо известным у нас Энтони Гидденсом. С двумя важными оговорками. Несмотря на то что оба автора – уважаемые социоло-

логи, их методологическая и, главное, политическая позиция, имплицитная их теориям, противоположна. В 1991 году Терборн нападал на Гидденса за то, что в его теории практически не было места *объяснению*¹. Позже появилась еще одна линия для «конфликта», куда более принципиальная. Гидденсу, ставшему «придворным философом»² британского премьера Тони Блэра, доставалось на протяжении 2000-х от всех левых за то, что тот обеспечивал идеологическую поддержку «третьего пути»³. В то же время Йоран Терборн всегда был представителем левой социальной теории.

Последнее имеет очень большое значение для понимания творческого наследия Терборна. Далее я постараюсь показать, почему он сегодня является выдающимся социальным теоретиком, который одним из первых начал отстаивать особое направление в мировой социологии именно как научной дисциплине – марксистское. Возможно, настоящее предисловие (и, конечно, главным образом сама книга), нако-

¹ С точки зрения Терборна, объяснение не было научным интересом Гидденса, который использовал «свои глубокие классические исследования в основном для того, чтобы подкрепить свои собственные концептуальные схемы». *Терборн Г.* Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества. Сборник / вступ. ст., сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. С. 82. Сперва имя автора на русский транскрибировали как «Гёран».

² *Каллиникос А.* Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. С. 13.

³ Стоит признать, что критика Гидденса со стороны Терборна была едва ли не самой мягкой из всех возможных реплик левых интеллектуалов. См. с. 218–219 наст. изд.

нец, сформирует представление о Терборне как ученом. Для этого необходимо раскрыть несколько тем – показать, как Терборн понимает «социальную теорию» в контексте социологии, дать краткую характеристику его научного наследия, пояснить смысл ключевого для его позднего творчества термина («современность») и, наконец, прокомментировать самое важное – концепт «постмарксизм».

Чтобы оценить значение Терборна как социального теоретика, достаточно обратиться к «археологии» его русскоязычных текстов. Еще в СССР, когда многих из живых классиков социальной науки знали совсем плохо либо не знали вообще, потому что некоторые классики тогда не были классиками, Терборна, писавшего на английском, уже переводили. Так, британский марксистский историк Эрик Хобсбаум подготовил на итальянском языке фундаментальную работу – историю марксизма в нескольких томах. Эти книги были переведены в Советском Союзе. В томе «Марксизм сегодня» можно было найти статью Терборна⁴. Уже тогда Терборн пытался продвигать важнейший проект, в итоге получивший название «радикальная социальная теория», а в тот момент звучавший как «марксистская социология».

В 1999 году в антологии «Теория общества» вышел текст

⁴ Терборн Г. Классовый анализ в современном мире: марксизм как социальная наука // История марксизма: в 4 т. / под общ. ред. Е.А. Амбарцумова. М.: Прогресс, 1986. Т. 4. Вып. 1. С. 369–417.

Терборна 1991 года, цитируемый выше⁵. Менее десяти лет спустя сразу два перевода (и один реферат) Терборна появились в антологии «Социологическая теория: история, современность, перспективы»⁶. В том же году в журнале «Логос» была переведена глава из важнейшей книги социолога «Что делает правящий класс, когда он правит»⁷. Немного раньше в журнале «Прогнозис» вышла статья «После диалектики: радикальная социальная теория в посткоммунистическом мире»⁸, которая легла в основу третьей – расширенной и исправленной – главы книги «От марксизма к постмарксизму?». В 2009–2010 годах Терборн дал несколько политических комментариев сегодня почившему «Русскому журналу»⁹. А в 2013 году было опубликовано интервью с ним

⁵ Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке. С. 73–102.

⁶ См. тексты: Терборн Й. Мультикультурные общества // Социологическая теория: история, современность, перспективы / под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 165–190; Терборн Й. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Там же. С. 191–240. И реферат книги: Терборн Й. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания // Там же. С. 706–712.

⁷ Терборн Г. Что делает правящий класс, когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе // Логос. 2008. № 6. С. 73–92.

⁸ Терборн Й. После диалектики: радикальная социальная теория в посткоммунистическом мире // Прогнозис. 2007. № 4 (12). С. 291–332.

⁹ Подборку комментариев Терборна см.: <<http://www.russ.ru/avtory/Terborn-Joran>> (дата обращения 25.09.2020).

в одном из российских социологических журналов¹⁰. Одним словом, имя автора было известно социологам-теоретикам, но преимущественно в контексте *социологической* теории, нежели *социальной*.

Нужно обратить особое внимание на то, что 1) *социология* Терборна «радикальна» в том смысле, что она политически ангажирована, и 2) его социологическая теория вступает в конфликт со строгой теоретической социологией, обнаруживая близость к «объяснению» (в терминах Джеффри Александера) и/или «интерпретации» (в терминах Зигмунта Баумана). Вот почему сам Терборн в позднем творчестве использует в том числе термин «социальная теория», а не «социологическая», понимая под ней осцилляцию между двумя позициями – всеобъемлющую объяснительную рамку для многообразия социальных феноменов и «попытку осмыслить» сами эти феномены. Таким образом, общая концепция социальной «теории» (концепт закавычивает сам Терборн), применима скорее к *объяснению* и осмыслению, а также конструированию значения¹¹.

Высшая школа экономики может гордиться тем, что первый полноценный перевод книги Терборна «Мир: Руководство для начинающих» (оригинал 2011) на русский язык вы-

¹⁰ Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 5–19.

¹¹ См. с. 182 наст. изд.

шел в ее Издательском доме¹². Текст относится к позднему периоду творчества автора, но в нем отражены темы, которыми Терборн занимался до этого, – глобализация, демография и сексуальность в широком смысле, объединенные под общей теоретической рамкой «модернизации»/модерна. Спустя пять лет в Издательском доме Высшей школы экономики вышла новейшая книга автора «Города власти. Город, нация, народ, глобальность» (оригинал 2017)¹³. Наконец, снова в Издательском доме Высшей школы экономики выходит книга Терборна «От марксизма к постмарксизму?» (оригинал 2008) – небольшая, но, возможно, наиболее важная в контексте его работы. Несмотря на то что и этот источник относительно новый, в тексте отражен главный интерес социолога – концепция современности.

По большому счету, в названии книги «От марксизма к постмарксизму?» отражен весь творческий путь Йорана Терборна. Он сам признает: «Мои теоретические взгляды сформировались в русле западного марксизма – инспирированной Марксом гуманистической традиции, идущей от Грамши и Лукача к Анри Лефевру и Сартру, твердо отстаиваемой и практикуемой Томпсоном, Андерсоном и журналом «New Left Review». Социологию я рассматривал прежде все-

¹² Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

¹³ Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.

го как удобную базу для социальных исследований»¹⁴. Нужно учесть, что это было сказано в 2013 году, а следовательно, методологическая позиция автора, в данном случае не отделимая от идеологической, была константой¹⁵. Первые три книги Терборна представляют собой «марксистскую трилогию о науке, классовом господстве и идеологии»¹⁶. Стоит упомянуть, что все они выходили в левом издательстве New Left Books/Verso, а сам Терборн на английском начинал публиковаться в упоминаемом «New Left Review» – главном посреднике мировой марксистской мысли в англоязычном мире¹⁷.

Во всех работах Терборна, начиная уже с его диссертации 1972 года и вплоть до последней книги о глобальных городах, красной нитью проходят две линии исследовательского направления: с одной стороны, анализ власти и государства,

¹⁴ Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 5.

¹⁵ О «молодом Терборне» см.: *Hort S., Olofsson G. A Portrait of the Sociologist as a Young Rebel: Göran Therborn 1941–1981 // Class, Sex and Revolutions: Göran Therborn a Critical Appraisal / ed. by G. Olofsson, S. Hort. Lund: Arkiv förlag, 2016. P. 19–51.*

¹⁶ См.: *Therborn G. Science, Class & Society. London: New Left Books, 1976; Therborn G. What Does the Ruling Class do When it Rules? State Apparatuses and State Power under Feudalism, Capitalism and Socialism. London: New Left Books, 1978; Therborn G. The Ideology of Power and the Power of Ideology. London: New Left Books, 1980.*

¹⁷ Неслучайно социолог регулярно с благодарностью упоминает редактора журнала Перри Андерсона в самых разных контекстах.

с другой – социальная экономика капитализма. И даже тогда, когда социолог, казалось бы, обращается к наполовину новой для себя теме (в книге «Между сексом и властью: семья в мире, 1900–2000» кроме власти появляется тема «секса»¹⁸), в действительности мы можем обнаружить ее в совсем ранних его текстах. Например, еще в книге «Власть идеологии и идеология власти» он выделял четыре вида человеческой субъективности: 1) историко-позиционную (класс); 2) историко-инклюзивную (нация); 3) экзистенциально-инклюзивную (религия); 4) экзистенциально-позиционную (сексуальность)¹⁹.

Главной тематической инновацией, объясняющей мир, в работах Терборна с конца 1990-х стал теперь уже ключевой для него концепт – глобализация. Однако еще в 1986 году в текстах ученого появляется принципиальная теоретико-методологическая рамка анализа – «современность» (модерн). На пересечениях больших исследовательских полей (власть и государство/капитализм) Терборн в разные периоды деятельности изучал, например, проблемы безработицы и неравенства, но обязательно смотрел на них сквозь призму концепта «современность»²⁰. Хотя к теме «современности» (как

¹⁸ *Therborn G. Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000. New York; London: Routledge, 2004.*

¹⁹ *Therborn G. The Ideology of Power and the Power of Ideology.*

²⁰ *Therborn G. Why Some Peoples are More Unemployed than Others. London: Verso, 1986; Therborn G. The Killing Fields of Inequality. Cambridge: Polity Press, 2013.*

модерна, так и модернизации), как утверждает сам социолог, он пришел случайно, с середины 1990-х именно «современность» становится основным теоретическим лейтмотивом всего его творчества, а его прежние интересы – капитализм и государство – теперь вписываются в новую оптику.

Не лишним будет заметить, что Терборн обращается к этому понятию то как к социологическому, то как к более общему – социально-философскому. Поэтому, как и во всех других своих книгах, он описывает «современность» в различных аспектах, выбирая разные ее ракурсы, но всегда имея в виду одну-единственную современность, а не «множественные современности». Поэтому неудивительно, что в работе «От марксизма к постмарксизму?» центральное место тоже отведено современности. Вот почему в данной книге, к краткому разбору которой мы переходим, представлена мысль социолога как таковая.

В этой работе Терборн интерпретирует современность скорее социально-философски, нежели социологически. Он отмечает, что определенно не существует ни одного полностью корректного определения современности и модерна²¹. Вместе с тем «...наиболее плодотворные определения этих понятий, взятые из обыденного языка, стремятся к тому, чтобы быть менее произвольными и частными, что обычно

²¹ Нужно заметить, что он использует сразу два концепта – *modernity* и *modern*, – переведенные как «современность» и «модерн» соответственно. Поэтому читателю не стоит удивляться, когда он встретит эти слова, часто употребляемые автором через запятую.

предполагает наличие уважения к этимологическому значению и воздержанность от нагрузки определения априорными коннотациями. Современность, таким образом, должна рассматриваться только как темпоральная характеристика. Современность – это культура, объявляющая себя современной, в смысле поворота спиной к прошлому – старому, традиционному, *passé* – и направленности в будущее, как к достижимому новому горизонту»²².

Несмотря на то что это определение, как мы увидим, всегда было константным для Терборна, в «От марксизма к постмарксизму?» он в итоге придет к мысли, что сегодняшние левые стремятся отвечать на вызовы современности разными способами. Так, когда Терборн рассуждает о политическом противостоянии Западу со стороны левых по всему миру, то говорит об «антимодернизме», подразумевая протесты против политики неолиберализма и американизации под «овечьей шкурой» глобализации. Собственно, первая глава книги посвящена именно этому – глобальной политике XXI века и силам непочтительности по отношению к капиталу и мировому лидеру – США. Правда, именно эта глава оказывается сегодня самой устаревшей (за исключением отрывков, посвященных теоретической оптике) в том смысле, что почти все политические прогнозы автора не просто не сбылись, но скорее даже сбылись с точностью до наоборот.

Например, Терборн возлагал большие надежды на Латин-

²² С. 172 наст. изд.

скую Америку, полагая, что та станет основным центром сопротивления всемирному капиталу и гегемонии Соединенных Штатов – главным врагам всех левых в 2000-е. Однако сегодня мы видим, что все то, на что рассчитывал Терборн, в итоге исчезло – латиноамериканский социализм на практике сдал. Например, Рафаэль Корреа в мае 2017 года сложил полномочия президента Эквадора и эмигрировал в Бельгию, Эво Моралес после нарушений на выборах и массовых протестов в ноябре 2019 года бежал из Боливии в Мексику. Венесуэла под правлением социалиста Николаса Мадуро пребывает в тяжелейшем политическом кризисе, а сам политик обвиняется США не только в коррупции, но и в контрабанде наркотиков.

Или, скажем, Терборн отмечает, что Всемирный социальный форум (ВСФ) 2000-х годов – хотя «лишь форум, площадка для встреч», «не движение или даже активная сила», но «на сегодняшний день наиболее любопытная за последние 20 лет» инициатива левых²³. Однако уже в тот момент было ясно, что «площадка» исчерпала весь свой потенциал даже в качестве форума. Так, почти в то же время, что и Терборн (в декабре 2007 года), Перри Андерсон писал, что «ВСФ после впечатляющего широкомасштабного и стремительного старта сейчас, похоже, выдохся. Неудивительно, что Форум ...практически не в состоянии поддерживать зачаточные и хаотичные движения протеста на шести конти-

²³ См. с. 72 наст. изд.

нентах»²⁴.

Но то, что надежды Терборна в политическом отношении не оправдались, не уменьшает значения двух других глав, написанных не в жанре заметок о текущем моменте. В них – вся ценность книги «От марксизма к постмарксизму?».

Во второй главе Терборн предлагает краткую историю марксизма в XX веке. Во-первых, он, цитируя американского марксиста Маршала Бермана²⁵, пытается представить марксизм как теорию и практику *диалектики* современности, подразумевая, что сам марксизм, будучи продуктом современности, всегда служил инструментом для ее критики. Слово «диалектика», используемое самим Терборном, здесь не случайно: одной из центральных для марксизма как социальной теории тем была критическая теория от Хоркхаймера и Адорно и далее через Хабермаса к американизации Франкфуртской школы. То есть одним из самых мощных направлений марксизма был гуманистический марксизм, во многом построенный на гегельянстве молодого Маркса.

Даже в самой солидной социологической литературе можно встретить некорректное представление, будто бы западный марксизм полностью сводится к этой самой критиче-

²⁴ *Андерсон П.* Заметки о текущем моменте // Прогнозис. 2008. № 1 (13). С. 25.

²⁵ Уже классическая (оригинал 1982) работа Бермана, посвященная современности, только что была переведена на русский язык: *Берман М.* Все твердое растворяется в воздухе. Опыт модерности. М.: Горизонталь, 2020.

ской теории²⁶. Важнейшая заслуга Терборна в том, что, по его мнению, критическая теория – «лишь западный фрагмент этой глобальной истории, хотя и очень важный, представляющий, возможно, марксизм более чем любые другие течения мысли как диалектику современности»²⁷. Иными словами, марксизм XX века был чем-то большим, чем историей Франкфуртской школы и ее творческого наследия в США. Тем более, социолог далее покажет, что марксизм существует и «после диалектики».

Во-вторых, Терборн обращается к двум хрестоматийным обзорам западного марксизма «Размышления о западном марксизме» Перри Андерсона и «Марксизм и тотальность» Мартина Джея²⁸ и приходит к выводу, что эти авторы, ретроспективно сочиняя канон, напрасно злоупотребили тем, что стали описывать западный марксизм именно как философское течение. Тем не менее многие мыслители, называемые Андерсоном и Джейм «философами», могут быть проинтерпретированы и как «социологи». Например, после Второй мировой войны «социологический поворот» был особенно заметен в творчестве Адорно, Хоркхаймера, Марку-

²⁶ Шацкий Е. История социологической мысли: в 2 т. М.: НЛО, 2018. Т. 2. С. 41–65.

²⁷ С. 158 наст. изд.

²⁸ См.: Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common Place, 2016; Jay M. Marxism and Totality. Berkeley: University of California Press, 1984.

зе, Анри Лефевра, Джорджа Фридмана и даже Сартра²⁹. Но дело не только в социологии. Были марксистские историки (Эрик Хобсбаум), политэкономы (Роберт Бреннер), политические ученые (Адам Пшеворский), макросоциологи (Иммануил Валлерстайн), социологи среднего уровня (Эрик Олин Райт) и т.д. Причем даже сам Андерсон, по мнению Терборна, работал в русле скорее исторической социологии, нежели философии. Этой позиции в отношении Андерсона, к слову, Терборн придерживался еще в начале 1980-х³⁰. Иными словами, марксизм в XX веке – отнюдь не только философский западный марксизм и, конечно, не только критическая теория.

В третьей главе Терборн подходит к главному тезису – он четко формулирует, каким образом самоопределялся марксизм в XX столетии. Он полагает, что лучше всего рассматривать историю марксизма (и как «-изма», и как ансамбля современности, подверженного историческим переменам) как триангуляцию трех «вершин», располагающихся на разном расстоянии друг от друга и вступающих в разные конфигурации, создавая тем самым всевозможные объединения. Во-первых, это историческая социальная наука, в фокусе которой всегда был капитализм; во-вторых, это та са-

²⁹ См. с. 140 наст. изд.

³⁰ По мнению Терборна, Андерсон в самом начале своей карьеры заменил «философию и политическую экономию социологией»: *Терборн Г.* Классовый анализ в современном мире: марксизм как социальная наука. С. 371.

мая философская диалектика, предполагающая множество этических выводов; в-третьих, это модус социалистической политики рабочего класса, предоставлявший дорожную карту для революции. Можно сказать также, что это исторический материализм «с марксистской критикой политической экономии и материалистическая диалектика с социальной философией отчуждения и товарного фетишизма»³¹, определяемые политической деятельностью. Вывод, к которому приходит Терборн, печален. По его мнению, «классический марксистский треугольник был сломан и не похоже, что он будет восстановлен»³². Что дает нам ответ на вопрос, вынесенный в название самой книги: из фразы «от марксизма к постмарксизму?» должен быть удален знак вопроса.

Но почему так произошло?

В силу того что марксизм – не только «-изм», но и инструмент анализа современности, он неизбежно должен быть подвержен последствиям исторических событий. Хотя модернизм (ориентация на разум, науку и прогресс), утверждает Терборн, никогда не был лево-ориентированным, после Второй мировой войны он повсеместно стал близок левым взглядам во всех частях света. Однако «в 1980-х годах случился сход лавины постмодернизма»³³: на два десятилетия ученые – от философов до социологов – вступили в эру де-

³¹ С. 168 наст. изд.

³² С. 241 наст. изд.

³³ С. 65 наст. изд.

батов о модерне/постмодерне³⁴. Это увлечение постмодерном легко объясняется провалом левых политических сил в конце 1960-х³⁵. Терборн замечает: «Постмодернизм атаковал все главные нарративы современности, одновременно игнорируя диалектическую концепцию марксизма»³⁶. Однако этот тезис выглядит сомнительным, потому что сами левые даже с большей охотой взяли понятие «постмодернизм» на вооружение. Есть некоторая ирония в том, что пока Терборн критиковал постмодернизм, утверждая, что тот превратился в социокультурные исследования, американский консервативный историк клеймил за то же самое марксизм³⁷.

Здесь требуется небольшой, но принципиально важный комментарий. Терборн, хотя никогда особо не жаловал «постмодернизм», определенно зависел от этой категории. Термин был очень удобной мишенью для критики. В своей книге 1995 года о европейской современности Терборн писал, что понимает современность эмпирически, а не институционально, то есть как период, обращенный к будущему, а не к прошлому как средству ориентации в настоящем. Он

³⁴ Подробнее в контексте социологии я писал на эту тему: *Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время.* М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 63–88.

³⁵ См.: *Александр Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время»* // Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Практикс, 2013.

³⁶ С. 178 наст. изд.

³⁷ См.: *Готфрид П. Странная смерть марксизма.* М.: ИРИСЭН – Мысль, 2009.

отмечал: «В отличие от модных в настоящее время дебатов о модерне и постмодерн(изм)е, которые примечательным образом ограничиваются одним большим глобальным нарративом, будь то модерн, высокий модерн или постмодерн, мы выделили различные маршруты или переходы в/через современность – та перспектива, следует добавить, которая также предлагает разные выходы из современности»³⁸.

В середине 1990-х, когда дискуссии о постмодерне еще были сильны, Терборн оспаривал термин, чтобы спасти «современность» для социальной теории. В итоге через 13 лет он вернулся к понятию, чтобы с его помощью объяснить «разрушение» «марксистского треугольника». Можно не сомневаться в том, что социолог оставался последовательным в плане главной позиции, но, как стало ясно, атака на постмодерн была тактической и ситуативной. В книге 2011 года Терборн заявил: «В английском социальном дискурсе понятие “модерн” (modernity) редко использовалось вплоть до появления постмодернизма в 1980 г.»³⁹, и спустя несколько десятков страниц добавил: «Лично мне неизвестно о попытках систематического анализа всех проблем и вопросов, связанных с постмодернистским вызовом. Блестящая работа 1998 г. Перри Андерсона “Истоки постмодернизма” (The

³⁸ *Therborn G. European Modernity and Beyond. The Trajectory of European Societies, 1945–2000. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1995. P. 356.*

³⁹ *Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих. С. 85.*

Origins of Postmodernity) ограничивается его эстетической составляющей и первоначально задумывалась как предисловие к сборнику трудов Фредрика Джеймисона»⁴⁰. После чего социолог, видимо, навсегда закрыл для себя тему постмодерна, объявив, что мы живем в мире современности, направляющей нас в будущее.

И все же в 2008 году Терборн высказался о постмодернизме наиболее полно. Он отмечал, что «интеллектуальная волна постмодернизма в настоящее время ослабела»⁴¹, а сам модернизм при этом «не был отвергнут как интеллектуальная позиция»⁴². Собственно, современность в конце XX века, с точки зрения Терборна, совершила несколько поворотов – направо (неолиберализм), к постмодернизму и, наконец, к теоретическому и политическому поиску новых вариантов современности⁴³. Эти поиски Терборн был рад наблюдать в многочисленных темах левых социальных теоретиков. Вот только результатом всего этого стало разрушение триангуляции марксизма XX столетия. Иными словами, для Терборна постмарксизм есть попытки разных левых спасти современность, но путем отступления от монолитной триангуляции марксизма. Сам он не только смотрит на все это позитивно, без какого-либо сожаления, но даже поддерживает тех ле-

⁴⁰ Там же. С. 150.

⁴¹ С. 69 наст. изд.

⁴² С. 178 наст. изд.

⁴³ См. с. 181 наст. изд.

вых, кто отказался от марксизма как политического кредо. Так, бразильский левый Роберто Мангабейра Унгер заявил в 2005 году: «Марксизм как доктрина мертв»⁴⁴. Но Терборн, комментируя позицию Унгера, отмечает, что потенциально унгеровские «предложения институциональных изменений могут иметь большие перспективы»⁴⁵.

Что это за ключевые темы радикальной социальной теории, которые выделяет Терборн? Это европейский теологический поворот (Ален Бадью и Терри Иглтон), левый футуризм (апокалиптика Имманула Валлерстайна и Джованни Арриги, а также новый утопизм Фредрика Джеймисона, Дэвида Харви и Элика Олина Райта), вытеснение класса (Этьен Балибар), отступление в левом анализе от государства (Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло, тот же Унгер), возвращение сексуальности (Джудит Батлер, Торил Мой), возвышение сетевого анализа (Мануэль Кастельс) и политической экономики (Роберт Бреннер, Арриги и др.). Затем Терборн обращается к репертуару политических позиций внутри универсума левой теории.

По сути, то, что предлагает автор, – это таксономия (или даже картография) радикальной социальной теории в XXI веке. Данный текст – вероятно, главный и лучший обзор (пост)марксизма со времен книг Перри Андерсона и Мар-

⁴⁴ Унгер Р.М. Что должны предложить левые? // Прогнозис. 2007. № 4 (12). С. 154.

⁴⁵ С. 221 наст. изд.

тина Джея. Собственно, эта картография всех левых начала XXI столетия отражает позицию относительно вынесенного в заглавие книги термина – постмарксизм. Это постсоциализм (Джон Кин), немарксистские левые (Роберто Мангабейра Унгер), марксология и аналитический марксизм (Жак Деррида и Джеральд Коэн), постмарксизм (Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, но также Юрген Хабермас, Аксель Хоннет и Режиc Дебре), неомарксизм (Славой Жижек и тандем Майкла Хардта и Антонио Негри), гибкие левые («New Left Review» и другие издания).

Надо признать, кому-то Терборн уделяет незначительное внимание, например, упоминая социальную теорию Филиппа Ван Парайса лишь в контексте проекта исследования «Реальных утопий» Эрика Олина Райта, в то время как, по мнению аналитического марксиста Джеральда Коэна, если марксизм еще и жив, то «он в некоем виде жив в работах Джона Рёмера и Филиппа ван Парайса»⁴⁶. Это же касается наследия Дэвида Харви: Терборн называет только одну книгу Харви («Пространство надежды»), хотя вклад этого «радикального географа» в сегодняшний марксизм куда более весом. Кого-то Терборн, при том что в его книге нашлось место многим, не упоминает вообще, например, Андре Горца, по-

⁴⁶ Коэн Дж. Совместимы ли свобода и равенство? М.: Свободное марксистское издательство, 2020. С. 15. Одна из самых последних книг Ван Парайса, написанных в соавторстве, вышла в Издательском доме Высшей школы экономики. См.: Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход: радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.

стопераистов и левых, обратившихся к анализу «цифрового капитализма»⁴⁷. Однако все эти недочеты неизбежны в рамках жанра обзора. В любом случае книга Терборна окажется более чем полезна для всех тех, кто хочет узнать о левой идее в XXI веке подробнее, самостоятельно изучить источники, перечисленные автором, и пойти дальше. Ясно одно: даже если марксизм сегодня не является фундаментом для многочисленных левых, он все равно жив хотя бы в словосочетании «постмарксизм», а повестка радикальной социальной теории настолько разнообразна и актуальна, что вряд ли можно рассуждать о каком-либо кризисе левой идеи.

Наконец, скажем главное. Что же это такое – постмарксизм? Терборн не проговаривает этого эксплицитно, но, как мы видим, понимает постмарксизм, с одной стороны, весьма широко, с другой стороны – узко. Узко в каком смысле? Исходя из «Репертуара позиций» очевидно, что постмарксизм – лишь одно из возможных направлений радикальной социальной теории, представленное главным образом Муфф и Лакло и их последователями⁴⁸. Однако (и это ответ

⁴⁷ См., например: Горц А. Нематериальное: знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010; Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4 (61). С. 168–198; Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 85–116.

⁴⁸ Впервые дискуссия о постмарксизме ожидаемо развернулась на страницах «New Left Review» после выхода теперь уже классической книги Лакло и Муфф «Гегемония и социалистическая стратегия». В итоге критикуемые авторы приняли этот термин как язык самоописания их политической и теоретической позиции. См.: Geras N. Post-Marxism? // New Left Review. 1987. No. 163; Laclau E.,

на вопрос, почему термин следует трактовать еще и широко), постмарксистами стали называть всех тех, кто признавал, что слишком далеко ушел от Маркса (скажем, Бадью и Негри), но при этом сохранил к нему уважение, или даже не признавал, но так же далеко уходил от классического марксизма и даже марксизма XX столетия. Такое понимание постмарксизма стало конвенциональным⁴⁹.

Саморефлексия характерна для многих постмарксистов, например для политического ученого Адама Пшеворского, упоминаемого Терборном⁵⁰. Совсем недавно Пшеворский в очередной раз вернулся к размышлениям относительно собственного (пост)марксизма⁵¹. В конце концов, и Терборн, долгое время развивавший проект марксистской социологии, пришел к постмарксистской социальной теории. Он

Mouffe Ch. Post-Marxism without Apologies // *New Left Review*. 1987. No. 166. Норман Герас еще более жестко среагировал на этот ответ, предложив «настоящую» критику: *Geras N.* Ex-Marxism Without Substance: Being A Real Reply to Laclau and Mouffe // *New Left Review*. 1988. No. 169.

⁴⁹ См., например: *Goldstein P.* Post-Marxist Theory: An Introduction. New York: State University of New York Press, 2005; *Harrison O.* Revolutionary Subjectivity in Post-Marxist Thought: Laclau, Negri, Badiou. Farnham: Ashgate, 2014. Мы видим, что, например, Оливер Харрисон называет Антонио Негри «постмарксистом», в то время как для Терборна Негри – скорее «неомарксист». В данном случае нет никаких противоречий: постмарксизм в широком понимании может считаться общим для многих левых лейблом, как когда-то «западный марксизм».

⁵⁰ См. с. 153, 214 наст. изд.

⁵¹ *Przeworski A.* What Have I Learned from Marx and What Still Stands? // *Politics & Society*. 2020. September 16. <<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0032329220958662>> (дата обращения 26.09.2020).

признает очевидное: «вряд ли Маркс станет объединяющей фигурой для больших коллективных идентичностей, каким он был в XX в.»⁵². Но вместе с тем открыто заявляет: «... я не хочу скрывать, что эта работа написана ученым, который не отказался от своей приверженности левой мысли»⁵³. Одним словом, у левых все еще есть ответ(ы) на вызовы современности. Этот ответ – постмарксизм. Теперь уже без знака вопроса.

Александр Павлов, д.филос.н., доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН

⁵² Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 1. С. 9.

⁵³ С. 28 наст. изд.

Введение

Наше время и эпоха Маркса

КАРЛ Маркс, родившийся в 1818 году, был ровесником войн за независимость испанских колоний в Латинской Америке. Первые призывы к независимости прозвучали в 1810 году, хотя решающие антиколониальные битвы в Мексике и Перу пришлось на 1820-е годы. В Латинской Америке уже начали подготовку к празднованию двухсотлетнего юбилея в 2010 году⁵⁴. Конечно, Маркс моложе протагонистов борьбы Латинской Америки за освобождение, моложе, к примеру, чем сам Освободитель, Симон Боливар, образ которого в последнее время возрождается в качестве духовного предводителя революции в Венесуэле. Он родился в темные времена европейской реакции – Священного союза европейских монархов. Но зерна нового будущего уже попали в экономическую и культурную почву Западной Европы, и Карл сам наблюдал их первое цветение. «Манифест Коммунистической партии», в котором содержалось видение глобализирующегося капитализма и борьбы рабочего класса во время «Весны Народов», в феврале-марте 1848 года, опередил свое время.

Если сравнить Маркса с его литературными аналогами, то

⁵⁴ Книга Йорана Терборна вышла в свет в 2008 году. – *Примеч. ред.*

он окажется гораздо моложе, скажем, Руми, Данте, Сервантеса или Шекспира, а в качестве социального и политического теоретика младше, например, Гоббса и Локка, которые во времена самого Маркса уже были героями кембриджской академической политики; не говоря уже о таких классических мыслителях, как Платон, Аристотель, Конфуций и Мэн-цзы.

Сегодня намного труднее определить, как долго будет востребован интеллект, чем предсказать продолжительность жизни среднестатистического человека. Что мы можем сказать о способности Маркса оставаться актуальным? Приближаясь к двухсотлетию со дня рождения человека, можем ли мы определить, что происходит с наследием, которое носит его имя: оно (давно?) мертво, умирает, стареет или же только достигает зрелости? Возможно ли его возрождение? Конечно, нельзя утверждать, что основоположник исторического материализма находится вне времени и вечно молод.

Любой соответствующий ответ должен принимать во внимание то обстоятельство, что Маркс обладал выдающейся способностью выдвигать и выражать новые идеи и был многогранной личностью. Он был интеллектуалом, социальным философом радикального Просвещения, социальным ученым-историком, политическим стратегом и лидером Союза коммунистов, а затем и Международного товарищества рабочих. Спустя десятилетия этим образом были приданы чрезвычайно разные значения и импликации. Политика

неизбежно составляет центральную часть наследия марксизма, но никто никогда не заявлял, что Маркс был выдающимся политическим лидером. Он выступал в роли источника политического вдохновения и в качестве социального компаса для политической навигации, но Маркс-политик давно мертв. Немногие, если таковые найдутся вообще, социологи и историки стали бы отрицать, что социальная и историческая методология, понимание и знание значительно продвинулись за более чем 125 лет со дня последней болезни Маркса, положившей конец его работе над рукописью «Капитала». Но эти вопросы сложнее, поскольку современный социальный анализ, равно как и исторический, все еще опирается на «классиков», не только в качестве источников вдохновения, но также и на темы их исследований, концепты, любопытные наблюдения и интригующие прозрения. Эмиль Дюркгейм, Алексис де Токвиль и Макс Вебер в этом смысле ровестники, так же как и Ибн Хальдун и Макиавелли, которые на несколько веков их старше. Великие философы никогда не умирают, у них бывают периоды спячки и расцвета, которые обычно существуют на промежутках времени где-то между кондратьевскими циклами и климатическими эпохами.

Эта книга в гораздо большей степени о Марксизме, чем о Марксе. Но если говорить о Марксе в наше время, мне кажется, что он только вызревает, во многом как хороший сыр или старое вино, не подходящие для дионисийских вечери-

нок или быстрого перекуса на передовой. Скорее он является вдохновляющим помощником в глубоких размышлениях о смыслах современности и эмансипации человека.

К приближающемуся двухсотлетию Маркса⁵⁵ я бы предложил три тоста. Первый: «За Карла Маркса как сторонника эмансипаторного разума, рационального исследования мира, приверженца идеи человеческой свободы от эксплуатации и угнетения». Второй: «За его историко-материалистический подход к социальному анализу. Другими словами, за его понимание настоящего как истории, в котором особое вниманием уделялось условиям жизни и труда обычных людей и экономической, а также политической материальности власти; подход, которому не стоит следовать буквально, как если бы он был изложен в учебнике, но который нужно понимать как общий наказ, сопровождающийся намерением следовать ему в дальнейшем». Третий: «Карлу следует отдать должное за его диалектическую открытость, его восприимчивость к противоречиям, антиномиям и конфликтам социальной жизни и глубокое их понимание».

Будущее марксизма видится мне неопределенным по причинам, которые будут изложены ниже. Но сам Маркс направляется к той же долгой жизни вечно чередующихся зимы, весны, лета и осени, что и у многих других великих мыслителей человечества начиная с Конфуция и Платона.

⁵⁵ Двухсотлетие Карла Маркса отмечалось в 2018 году. – *Примеч. ред.*

ПРИРОДА НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Данная книга должна служить картой и компасом. Это попытка понять сейсмический социальный и интеллектуальный сдвиг между XX веком – в значительном смысле веком марксизма – и XXI столетием, который начался между 1978 и 1991 годами, когда Китай развернулся к рынку, а советская система рухнула и в Восточной Европе, и в самом СССР. Эта книга не претендует на то, чтобы быть интеллектуальной историей или историей идей; лучше рассматривать ее как непретенциозные путевые заметки, записанные после долгого, изнурительного путешествия через восхождения, переходы, спуски и тупики марксизма XX и начала XXI веков.

У книги две задачи. Первая: разметить левую политическую практику и мысль начала XXI века на карте предшествующего столетия. Вторая: представить систематическую панораму левой мысли на Севере в начале нового столетия, а затем сравнить ее с марксизмом предшествующей эпохи. Воздерживаясь от ходатайства о каком-либо определенном пути понимания или интерпретации, я не хочу скрывать, что эта работа написана ученым, который не отказался от своей приверженности левой мысли. Напротив, именно эта приверженность стала стимулом для написания данной книги.

Два указанных стремления отражены в трех разных главах. Первая, о пространствах левой мысли и практики, бы-

ла изначально представлена на конференции в Мексике, организованной сенаторами Партии демократической революции (PRD) в апреле 2001 года, а затем была опубликована в «New Left Review»⁵⁶. Для этой книги она была значительно переработана и переписана. Вторая глава, представляющая собой попытку определить наследие марксизма XX века в качестве критической теории, была опубликована в первом издании «Путеводителя по социальной теории» под редакцией Брайана Тёрнера⁵⁷, который также редактировал второе издание, вышедшее уже в XXI веке. Здесь этот текст перепечатан с незначительными изменениями, главным образом с целью избежать слишком больших пересечений с последующим эссе. Третья глава, посвященная актуальной радикальной мысли, выросла из моего текста для книги «Руководство по европейской социальной теории», вышедшей под редакцией Джерарда Деланти⁵⁸; данная статья позже была расширена и «атлантизирована» для публикации в «New Left Review»⁵⁹. Этот текст я обновил и некоторым образом развил

⁵⁶ *Therborn G. Into the 21st Century // New Left Review. 2001. No. 10. P. 87–110.*

⁵⁷ *Therborn G. Critical Theory and the Legacy of Twentieth Century Marxism // Turner B. (ed.). The Blackwell Companion to Social Theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 53–82.*

⁵⁸ *Therborn G. After Dialectics: Postmodernity, Post-Marxism, and Other Posts and Positions // Delanty G. (ed.). Handbook of Contemporary European Social Theory. London: Routledge, 2006. P. 185–202.*

⁵⁹ *Therborn G. After Dialectics. Radical Social Theory in a Post-Communist World // New Left Review. 2007. No. 43. P. 63–114.*

здесь; ошибки, замеченные читателями «New Left Review», о которых мне любезно сообщили, были исправлены, а некоторые контекстуальные аргументы были перенесены в другие главы.

Как ученый с глобальными интересами, я пытаюсь поместить «левое» в глобальный контекст. Но я с самого начала признаю, что систематический обзор современной радикальной мысли Юга выходит за пределы моей языковой компетенции, а также я ограничен во времени. Я, тем не менее, отмечаю богатое наследие утонченной левой мысли на Юге, ведь будущее, вероятнее всего, будет определяться именно там.

Кембридж

Октябрь-ноябрь 2007 года

Глава 1

Вперед в XXI век: новые параметры глобальной политики

ПОЛИТИКА продумывается и отстаивается в борьбе, политические практики вырабатываются и претворяются в жизнь, политические идеи приходят и уходят в глобальном пространстве. Само пространство ничего не решает: имеют значение только акторы и их действия. Но во многих отношениях именно это измерение – протяженно-глобальное, но в настоящий момент куда более плотное в своей общемировой связности – наделяет акторов силами и ослабляет, ставит перед ними препятствия и предлагает возможности. Пространство задает координаты политических действий. В искусстве политики умение и ответственность, удача и гениальность, равно как и их противоположности, остаются неизменными, но именно пространство сдает политическим акторам карты на руки.

Это глобальное пространство включает три основных плана. Первый – социально-экономический, определяющий предпосылки для социальной и экономической ориентации политических действий, иными словами, для левых и правых. Другой план – культурный, с его превалирующими паттернами убеждений, идентичностей и принципиальным зна-

чением коммуникации. Третий – геополитический, который предоставляет параметры власти для конфронтации между государствами и против них. В этой главе картографируется пространство левой и правой политики, начиная с 1960-х годов и вплоть до первой декады XXI века. Это не политическая история и не стратегическая программа, хотя имеет к этому некоторое отношение. В широком, непартийном смысле, это попытка оценить сильные и слабые стороны левых и правых сил в недалеком прошлом, которое все еще оказывает влияние на настоящее, а также поместить это в контекст вновь возникающих течений.

Общее геополитическое пространство будет использоваться только в тех случаях, когда оно наиболее очевидным образом влияет на политику левых и правых. В области основополагающих концепций, тем не менее, могут понадобиться некоторые уточнения. Аналитическое различие между двумя элементами, конечно, не предполагает, что они полностью независимы друг от друга. В реальном мире социальные и геополитические пространства объединены. Как бы то ни было, важно их не путать. В холодной войне, к примеру, было принципиальное измерение для левых и правых, которое заключалось в соревновании социалистического и капиталистического образов современности. Но у нее также была специфическая геополитическая динамика, которая настраивала две суперсилы друг против друга и вовлекала в противостояние с каждой стороны союзников, сателлитов и дру-

зей. Какое из этих измерений было более важным, остается спорным вопросом.

Ресурсы, возможности и варианты интертерриториальных акторов в геополитическом плане создаются целым набором факторов: военной мощью, демографическим потенциалом, экономической мощью и, среди прочего, географическим положением. Для понимания интересующей нас политики левых и правых особенно важное значение имеют два следующих аспекта: распределение геополитической мощи в мире и социальный характер интертерриториальных или транстерриториальных акторов.

В первую очередь следует отметить, что в последние сорок лет распределение мощи резко изменилось, и этот процесс не был однонаправленным. Этот период начался с приближения первого в истории США военного поражения (во Вьетнаме) и достижения СССР относительного военного паритета. Затем произошел распад Советского Союза, и Соединенные Штаты объявили о своей окончательной победе в холодной войне. Хотя в 1956 году Суэцкий кризис и фиаско франко-британско-израильского вторжения на территорию Синай возвестили о конце европейского военного доминирования в мировом масштабе, Европа, уже в качестве Европейского союза, вернула себе положение весомой экономической силы, а также континентальной лаборатории для выстраивания сложных межгосударственных отношений. В начале этого исторического периода Япония бы-

ла восходящей экономической звездой; в настоящий момент она экономически угасает и сталкивается с социальными проблемами старения населения. Напротив, благодаря десятилетиям непрерывного экономического роста Китай нарастил экономические мускулы своего массивного демографического веса.

Социальный характер интертерриториальных акторов может быть понят не только исходя из «цвета» государственного режима, но также из ориентации и значимости негосударственных сил. Два новых вида международных акторов – пусть и различной социальной значимости – стали гораздо более важными на протяжении этого периода⁶⁰. Первый состоит из транснациональных межгосударственных организаций, таких как Всемирный банк, Международный валютный фонд и Всемирная торговая организация, которые совместно выступали как важная неолиберальная передовая часть для *правых* (хотя в рядах Всемирного банка были слышны голоса несогласных). Второй представляет собой набор слабых транснациональных сетей, движений и лобби, занимающихся глобальными вопросами. Они появились как довольно значимые, прогрессивные акторы на мировой арене – изначально через их связи с такими механизмами ООН, как Конвенции о соблюдении прав человека, и важные международные конференции, посвященные проблемам равнопра-

⁶⁰ Транснациональные корпорации, конечно же, – вековой элемент капитализма.

вия женщин и положению простого народа, и даже чаще через их международную мобилизацию против либерализации торговли.

Вкратце, даже несмотря на то что США стали единственной суперсилой, геополитическое пространство не просто не стало однополярным, но и начало приобретать новые сложные формы.

Социально-экономическая плоскость

У социального пространства современной политики есть по меньшей мере три принципиально важных измерения: государства, рынки и социальное структурирование⁶¹. Первые два – это хорошо известные и наиболее заметные институциональные комплексы. Третье измерение может потребовать некоторых разъяснений. Оно отсылает к формированию социальных акторов – процессу, на который, ко-

⁶¹ Сам капитализм представляет собой систему рынков, социального структурирования и государств (одного или нескольких). Рассмотрение черт или, прежде всего, взаимоотношений этих трех измерений – один из путей (и, на мой взгляд, достаточно плодотворный) анализа властных отношений и их динамики в капитализме. Эти переменные благодаря открытости имеют преимущество для эмпирических аналитических обзоров, одновременно не предполагая и не требуя оценок актуальной степени капиталистической «системности» государств и социального структурирования. Актуальная и предсказуемая политика едва ли может быть схвачена в терминах противостояния социализма и капитализма: этот концептуальный аппарат, более широкий, свободный, и менее заикленный на капитале/труде, может иметь некоторые достоинства.

нечно, оказывают влияние государства и рынки, но с дополнительной собственной силой, почерпнутой из форм получения заработка и места проживания, религий и семейных институтов. Оно включает не только классовую структуру, но и на более фундаментальном уровне изображение изменчивой «классовости». Возможно, будет полезно обратиться к более абстрактному, аналитическому различению социального структурирования, чем к конвенциональным измерениям масштаба класса или его силы, или даже от таких категорических идентичностей, как класс, гендер, этничность. Социальные структуры, на которые я хочу обратить внимание, являются не просто структурными категориями, но социокультурными понятиями, с акцентом на широкие, социально детерминированные культурные ориентации. В качестве ключевых характеристик я предлагаю здесь непочтительность/почтительность и коллективизм/индивидуализм (рис. 1.1).

Непочтительность и почтительность здесь соотносятся с направленностью к существующему неравенству в распределении власти, благосостояния и статуса; коллективизм и индивидуализм – с предрасположенностью, сильной или слабой, к коллективной идентификации и организации. Классических левых приводил в движение непочтительный коллективизм социалистического рабочего класса и антиимпериалистических движений, в то время как другие современные радикальные движения за права женщин или права челове-

ка, например, имеют более индивидуалистический характер. Традиционные правые были институционально, или в качестве зависимых от государства, коллективистски настроены; либерализм, как старый, так и новый, склоняется скорее к «почтительному индивидуализму» – с уважением к тем, кто предположительно имеет более высокий статус, руководителям предприятий, богатым, менеджерам, экспертам (в особенности либеральным экономистам) – и, по меньшей мере в последнее время, мужчинам *chefs de famille*⁶², империалистическим правителям и представителям *Herrenvolk*⁶³-империй.

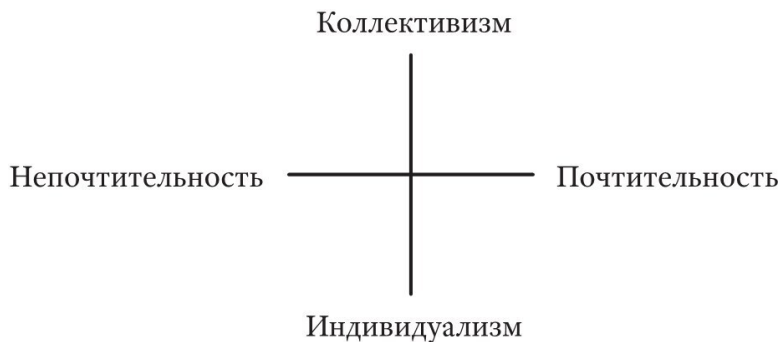

Рис. 1.1. Ключевые измерения социального структурирования акторов

⁶² Глава семьи, глава домохозяйства (*фр.*). – Примеч. пер.

⁶³ Господа (*нем.*). – Примеч. пер.

Именно внутри этого треугольника, состоящего из государств, рынков и социального структурирования, политические идеи приобретают значимость и происходит политическое действие. Динамика этого пространства происходит, во-первых, из результатов предшествующей политической борьбы; во-вторых, из вклада новых знаний и технологий; в-третьих, из процессов экономической системы – капитализма и существовавшего в прошлом социализма. Схематизация полноценной модели представлена на рис. 1.2.

Координаты политического пространства

Последние дискуссии о государстве, как со стороны левых, так и со стороны правых, фокусируются на вопросе «национального государства» как антиподе глобализации или – на приватизации как вызове его институтам. Эти подходы стремятся игнорировать и реальность современного процесса принятия решений и, что даже более важно, изменчивые структурные формы развития государства. По первому вопросу ключевой является проблема: уменьшилась ли в действительности на протяжении последних четырех десятилетий способность государства преследовать политические цели? В целом честный ответ для развитых демократий состоит в том, что этого не произошло. Напротив, можно сказать, что в последние годы мы стали свидетелями удивительных успехов в государственной политике: общемировое снижение – на самом деле, виртуальное – инфляции лишь один из важных примеров; развитие сильных межгосударственных организаций – Европейского союза (ЕС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), МЕРКОСУР и Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) – еще один пример. Правда, сохранение массовой безработицы в ЕС является очевидным провалом государственной политики, но европейских безработных в целом не вытолкнули в

«американскую» бедность, что может считаться по меньшей мере скромным успехом.

Рис. 1.2. Социальное пространство политики и его динамика

Политические направления и приоритеты изменились; новые умения и бóльшая гибкость стали востребованными; как и всегда, множество политических решений потерпели неудачу. Однако в этом нет ничего нового. Национальные

государства, регионы и города будут различны, как и всегда, в своей эффективности, но я не вижу общего тренда к снижению способности проводить политику в жизнь. То, что некоторые левые политические программы стало сложнее реализовывать, вероятно, правда, но так происходит не столько из-за провалов на государственном уровне, сколько из-за правого уклона политических координат.

Успешные государственные формы

Наиболее серьезный недостаток сложившегося дискурса о глобализации заключается в его слепоте по отношению к развитию сильно отличающихся государственных форм на протяжении последних сорока лет. Две модели возникли в 1960-е годы: государство всеобщего благосостояния, опирающееся на щедрые, финансируемые государством социальные выплаты, и восточноазиатская модель «ориентации на внешний рынок». С самого начала обе модели успешно развивались и консолидировались. Центральным регионом для государственной политики регулирования ради построения общества всеобщего благосостояния была Западная Европа, где подобная цель оказывала влияние на все страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Хотя европейские корни этой модели уходят глубоко в прошлое, именно после 1960 года она пережила десятилетие расцвета, когда расходы и доходы государства неожиданно

увеличились гораздо больше, чем за всю ее предыдущую историю. Незамеченные конвенциональной теорией глобализации последние четыре десятилетия XX века засвидетельствовали рост развитых стран в темпах, значительно опережающих рост международной торговли. Для старой ОЭСР государственные расходы в пропорции от ВВП увеличились на 12% между 1960 и 1999 годами, в то время как экспорт вырос только на 11%⁶⁴.

Для 15 членов Европейского союза соответствующие показатели были 18–19 и 14%⁶⁵. Невзирая на критику – как со стороны левых, так и со стороны правых – государство всеобщего благосостояния продолжает крепко стоять на ногах, где бы оно ни возводилось. Измеряемый государственными расходами или доходами, государственный сектор в богатейших странах мира находится на историческом пике или же стабилизировался. Для стран ОЭСР Западной Европы, Северной Америки, Японии и Океании средний показатель государственных расходов (без поправки на население, а также за вычетом Исландии и Люксембурга) в 1960 году равнялся 24,7% от ВВП. К 2005 году он составлял уже 44%. Для G7 государственные расходы увеличились с 28% от совокупного ВВП в 1960 году до 44% в 2005 году. Правда, доля расхо-

⁶⁴ Эти данные были верны для ОЭСР, пока в нее не включили Мексику, Южную Корею и посткоммунистические страны Восточной и Центральной Европы.

⁶⁵ Данные за 1960 год: OECD Historical Statistics 1996–1997. Paris: OECD, 1999. Tables 6.5, 6.12; Данные за 1999 год: OECD Economic Outlook. Paris: OECD, 2000. Annex tables 28, 29.

дов в обоих случаях была на пару процентных пунктов выше во время рецессии начала 1990-х, чем во время невиданного бума конца десятилетия, но это следует интерпретировать как в значительной мере конъюнктурное отклонение. Если говорить о налогообложении, в 2006 году ОЭСР побил собственный исторический рекорд налоговых поступлений 2000 года и зафиксировала наивысший в истории поступивший в государственную казну доход, составивший около 37% от ВВП. Не подлежит сомнению, что не существует растущей потребности и запроса на образование, здравоохранение и сферу социальных услуг, а также пенсионных доходов, которые не потребовали бы дальнейшего расширения государства всеобщего благосостояния, чей рост в настоящий момент сведен на нет правыми силами.

Второй государственной формой – ее рывок опять же произошел в 1960-е годы (последовав за довоенным подъемом Японии) – была модель ориентации на внешний рынок: направленность на экспорт, с упором на тяжелое машиностроение, что характеризовалось государственным планированием и контролем над банками и системой кредитования, и, более того, иногда, как в Корее, полным огосударствлением собственности. С Японией, которая выступила пионером в регионе, государство развития вскоре стало – с различными комбинациями государственного и частного капиталистического вмешательства – общей региональной моделью для Южной Кореи (возможно, сейчас ставшей архетипиче-

ским образцом), Тайвань, Сингапура и Гонконга, которые проложили путь для Таиланда, Малайзии, Индонезии и менее успешных Филиппин (последние в культурном и социальном отношении представляют собой подобие Латинской Америки в Юго-Восточной Азии с влиятельной землевладельческой олигархией, сумевшей сохранить свои позиции). Это были примеры, на которые в своем развитии опирался Китай, а десятилетием позже и Вьетнам. Между этими государствами и их варьирующимися формами капитализма есть значительные различия, но все они обязаны своим подъемом общему региональному контексту – фронта холодной войны, который получал значительную экономическую (и военную) помощь из США. Их всех объединяет несколько общих черт: Япония в качестве региональной модели развития; ослабленная или отсутствующая земельная олигархия; высокий уровень грамотности; сильный предпринимательский слой; как правило, наличие китайской диаспоры. Для большей части также характерно наличие определенного политического режима: преданный задаче национального экономического развития посредством участия в международной конкуренции авторитаризм, обладающий волей для реализации имеющих наипервейшее значение государственных инициатив.

Наследие 1960-х годов остается ключевой составляющей современного мира. Китай, самая большая по численности населения страна на планете, стал самым успешным при-

мером государства развития в истории, с почти что 20%-м экономическим ростом на душу населения и с практически 10%-м годовым приростом в целом. Кризис 1997–1998 годов сильно ударил по Корее и Юго-Восточной Азии, но, исключая беспорядки в Индонезии, он не привел к потеряному десятилетию. Напротив, большинство стран – прежде всего Корея – уже смогли от него оправиться.

Государства всеобщего благосостояния Западной Европы и восточно-азиатские государства развития пустили корни в очень различных обществах, и их политические приоритеты в значительной степени отличались. Но *quia*⁶⁶ государства и экономики они имели две важные общие черты. Во-первых, обе модели являются ориентированными вовне, зависящими от экспорта на мировой рынок. В противоположность сложившемуся мнению существовала значительная и стойкая позитивная корреляция между зависимостью от мирового рынка и щедрым предоставлением социальных прав в странах ОЭСР: чем больше страна зависит от экспорта, тем выше ее социальное великодушие⁶⁷. Во-вторых, несмотря на

⁶⁶ В качестве, как (*лат.*). – *Примеч. пер.*

⁶⁷ В середине 1990-х годов линейный коэффициент корреляции экспорта и социальных расходов в процентах от ВВП в первых странах ОЭСР составлял 0,26. Вероятно, это не является непосредственной причиной явления или его прямым следствием. Скорее всего, связь должна быть интерпретирована как то, что международная конкуренция, приведшая к экономическому росту, повлияла на соотношение прогрессивных сил и не была несовместима с политикой расширения предоставления социальных прав.

всю свою конкурентоспособность и восприимчивость к новому, ни государства всеобщего благосостояния, ни государства развития не являются широко открытыми ветрам мирового рынка. Обе модели создавались и продолжают оставаться системами защиты внутреннего производителя. В государствах всеобщего благосостояния это приняло формы обеспечения социальной защищенности и перераспределения доходов. К примеру, когда Финляндия столкнулась с рецессией в начале 1990-х годов с 10%-м снижением ВВП и безработицей, подбирающейся к 20%, государство вмешалось, чтобы предотвратить любое увеличение бедности, тем самым превратившись в одного из самых эгалитарных дистрибьюторов доходов в мире. В то время, как я это пишу, финская экономика вновь на высоте, а финская Nokia является мировым лидером на рынке мобильных телефонов. По европейским стандартам канадское государство всеобщего благосостояния не является особенно развитым; тем не менее, несмотря на тесные связи Канады с ее могучим соседом – которые были усилены в рамках НАФТА, – ей на протяжении последних 20 лет удалось сохранить эгалитарную систему дистрибуции доходов, в то время как уровень неравенства в США значительно вырос.

Азиатские государства развития были более озабочены политическим и культурным протекционизмом против нежелательных иностранных влияний, часто занимая авторитарную националистическую позицию. Япония и Южная

Корея сдержанно, но эффективно боролась против иностранных инвестиций. Попытки Международного валютного фонда и стоящих за ним США использовать кризис в Юго-Восточной Азии 1997–1998 годов, чтобы принудить региональные экономики стать более открытыми, были успешными лишь отчасти; Малайзии удалось выпутаться, наложив ряд контролирующих предписаний трансграничным передвижениям капитала.

Несостоявшиеся государственные формы

Вместе с тем экономически замкнутые на себе страны с низкой интенсивностью торговых связей столкнулись с серьезным кризисом. За исключением Северной Кореи, которая все еще остается на плаву, закрытые коммунистические модели схлопнулись. Китай, Вьетнам, Камбоджа и Лаос встали на новый курс: в пропорциональном отношении у Китая сейчас гораздо больше иностранных инвестиций, чем у Латинской Америки. Кубе удалось выжить, несмотря на блокаду со стороны США – даже после исчезновения Советского Союза, – в значительной степени посредством мутации в объект туристического притяжения, а также при помощи капитала из Италии, Канады и Испании (хотя в настоящий момент этот капитал уступает средствам, поступающим из Венесуэлы, а также выплаты за медицинские и образовательные услуги). В Африке постколониальные государства с на-

циональными «социалистическими» амбициями потерпели крах из-за недостатка как административных, так и экономических компетенций, а также отсутствия подходящей национальной политической культуры. У Южной Азии были изначально лучшие стартовые условия, в которые входит квалифицированная управленческая элита, значительный слой буржуазии и демократическая культура. Но результаты оказались разочаровывающими, а дискриминирующая система образования и низкий экономический рост привели к увеличению числа бедных. Даже после того как Индия встала на путь экономического роста, она остается крупнейшей по числу бедных на Земле. Около 40% от общего числа бедных (те, кто живет менее чем на 2 доллара в день) находятся в Южной Азии, составляя 75–80% населения региона. Поворот 1950-х годов к импортозамещающей индустриализации в Латинской Америке принес определенный успех, особенно в Бразилии. Но к 1970-м и 1980-м годам стало очевидно, что ситуация с подобной моделью зашла в тупик. К тому моменту весь регион оказался в глубоком экономическом и политическом кризисе. Традиционалистские, ориентированные на внутренние проблемы государства, такие как франкистская Испания, также были вынуждены меняться: начиная с 1960 года Испания приняла новый курс, сконцентрировавшись на массовом туризме и привлечении иностранных инвестиций. Широко распространенные кризисы, с которыми сталкивается этот тип ориентированного на внутренние про-

блемы государства во всех многочисленных проявлениях – на резком контрасте с успехами двух основных вариантов направленных вовне государственных форм, – должны иметь общее объяснение. Оно, вероятно, может быть представлено нижеследующими соображениями. В период, последовавший за Второй мировой войной, произошел новый подъем международной торговли – хотя вплоть до начала 1970-х годов она так и не достигла показателей 1913 года. Однако более важным, чем масштаб, был сам характер развития торговли. Как стало ясно к концу XX столетия, объемы международной торговли со временем смещались от обмена необработанного сырья на промышленные товары – обмена, который доминировал в эпоху экспортной ориентации Латинской Америки, – к возрастающей конкуренции между производителями промышленных товаров. Одним из последствий этой торговли между промышленно развитыми странами стало стимулирование технологического развития; таким образом, страны, находившиеся в стороне от активности на мировом рынке, упустили возможности этого этапа. К началу 1980-х годов, когда СССР наконец удалось обогнать США в производстве стали, он уже стал индикатором экономической отсталости, а не признаком индустриальной мощи. Где-то между энтузиазмом от запуска «Спутника-1» (1957) и докризисной стагнацией 1980 года Советский Союз, который всегда заимствовал индустриальные задачи и модели на Западе (в первую очередь в США), утратил технологическую

динамику. Западный постиндустриальный поворот и новые возможности электроники были обнаружены советскими и восточно-европейскими планировщиками слишком поздно.

Тогда государство все еще могло защищать свою форму и осуществлять собственную политику в условиях актуальной глобализации – при условии, что его экономика могла быть конкурентоспособной на мировом рынке. Для классических левых это стало новым вызовом, но это было нечто такое, вместе с чем выросло скандинавское рабочее движение в маленьких, слаборазвитых обществах, которые обратили свое внимание на производство конкурентоспособного экспорта силами достаточно квалифицированного труда.

Корпорации и государства

Относительное экономическое значение крупнейших корпораций выросло на протяжении последнего исторического периода, создав концентрацию капитала, как это предвидел Маркс. В 1905 году 50 крупнейших по капитализации корпораций США владели активами равноценными 16% ВВП. К 1999 году активы 50 крупнейших промышленных компаний США возросли до 37% ВВП. Для десяти крупнейших промышленных компаний Великобритании повышение было с 5% ВВП в 1905 году до 41% в 1999-м, из которых Vodafone, крупнейший мобильный оператор

в мире, имел долю в 18%⁶⁸. В сравнении с ростом государства, тем не менее, корпоративный рост не всегда выглядит столь впечатляющим. Удивительно, хотя цифры не до конца сопоставимы, кажется, что государство США на протяжении XX века росло быстрее, чем промышленные корпорации (впрочем, для Великобритании верно обратное). Между 1913 и 1998 годами государственные расходы США увеличились более чем в 4 раза, поднявшись с 7,5 до 33% от ВВП; в Великобритании они утроились, с 13 до 40%⁶⁹. В Швеции государство в темпах роста также опережало корпорации. Основные фонды трех крупнейших промышленных корпораций страны, составлявшие 11–12% ВВП в 1913 и 1929 годах, упали до 5% в 1948-м и достигли 28–29% в 1999 году. Государственные налоги вместе с тем поднялись с 8% ВВП в 1913 году до 52% в 1997-м.

В более близкое нам время соотношение роста между транснациональными корпорациями и национальными экономиками куда более детализировано. Доход – показате-

⁶⁸ Историческая оценка баланса капитала – в принципе, баланс активов с акциями и долгами – может не быть равна актуальной оценке корпоративных активов, но, в свою очередь, разница между ними соотносится с актуальным корпоративным развитием. Данные взяты из работ Питера Пейна, а также исторической статистики Великобритании и США. См.: *Payne P.L. The Emergence of the Large Scale Company in Great Britain // Economic History Review. 1967. Vol. 20. No. 4. Актуальные данные для сравнения см.: Fortune. 24 July 2000; The World Bank. World Development Indicators. Washington, DC: The World Bank, 2000.*

⁶⁹ *Crafts N. Globalization and Growth in the Twentieth Century // IMF. World Economic Outlook Supporting Studies. Washington, DC: IMF, 2001. P. 35.*

тель, не всегда доступный для долгосрочных сравнений, – десяти крупнейших мировых корпораций уменьшился по сравнению с крупнейшей национальной экономикой мира. В 1980 году доходы корпораций от продаж составили до 21% ВВП США, а в 2006-м – лишь 17%; в 1980 году корпоративные доходы в 3 раза превышали ВВП Мексики, а в 2006-м они были уже всего лишь в 2 раза больше ВВП Мексики, чье население на тот момент было около 105 млн человек. Мы, тем не менее, сталкиваемся с возросшим значением частного капитала. В 1999 году совокупный доход 500 крупнейших мировых корпораций составлял до 43% мирового производства. Только их ежегодные прибыли были на 29% больше, чем ВВП Мексики, чье население в 1999 году было около 97 млн человек⁷⁰. Именно благосостояние, а не доход корпораций вырос по отношению к государствам и национальным экономикам. Противоречия многим современным предположениям, корпоративный доход не поспевал за ростом ключевых экономик в последние два десятилетия⁷¹.

⁷⁰ Данные о корпорациях см.: Fortune. 24 July 2000. Данные о ВВП см.: The World Bank. World Development Indicators. Washington, DC: The World Bank, 2000.

⁷¹ Корпоративные активы устойчивее рыночной капитализации, т.е. рыночной стоимости корпоративных акций в любой произвольно взятый промежуток времени. 24 апреля 2000 года в самом начале спада на мировых биржах рыночная стоимость Microsoft было равна практически 7% ВВП США в 1999 году, а рыночная стоимость General Electric – практически 6%. См.: Financial Times. 4 May 2000.

Рыночная динамика

Международные рынки выросли даже больше, чем корпорации. Финансирование войны США во Вьетнаме было, вероятно, одним из поворотных пунктов в экономической истории XX века: это помогло появиться новому международному валютному рынку с гигантскими потоками капитала, и американские военные закупки сыграли ключевую роль в ускорении динамики развития стран Восточной Азии. В мировом масштабе товарооборот биржевого рынка вырос с 28% мирового производства в 1990 году до 81% в 1998-м. Капитализация биржевого рынка США выросла с 40% ВВП в 1980-м до 53% в 1990-м, а затем и до 150% в начале 2001 года, с учетом падения после пика в пределах 180%⁷². Транснациональные потоки капитала невероятно ускорились, не только – и даже, вероятно, не главным образом – из-за инноваций в коммуникационных технологиях, но из-за институциональных изменений. Можно назвать два таких изменения, первое из которых – это международный валютный рынок. Послевоенная валютная система, установленная в Бреттон-Вудсе, рухнула в начале 1970-х годов. Международная торговля валютой вскоре превратилась в гигантское глобальное казино, объемы которого в

⁷² The World Bank. World Development Indicators. Washington, DC: The World Bank, 2005. Table 5.4.

12 раз превышали мировой экспорт в 1979 году и в 61 раз в 1989 году, затем выровнявшись на отметке этого *altiplano*⁷³. В апреле 1998 года ежедневный оборот иностранной валюты в мире был в 3,4 раза больше ВВП Мексики за целый год. С осени 1998 года, тем не менее, после представления евро и негативных последствий от азиатского кризиса среди прочих факторов, торговля валютой значительно уменьшилась. В апреле 2007 года ежедневный оборот иностранных рынков обмена валюты составлял 3,2 триллиона долларов, больше, чем годовой ВВП третьей экономики мира, Германии, который в 2006-м составлял 2,9 триллиона долларов.

Вторым изменением стало развитие новых предметов торговли, имеющих особое значение. Одним из таких изобретений, придуманных в 1970-х, но выстреливших в 1980-е годы, были ценные бумаги: буквально, ставки на будущее. Между 1986 и 1996 годами торговля ценными бумагами увеличилась в 56 раз, достигнув оборота в 34 триллиона долларов. В 1995 году номинальный объем ставок, неуплаченный в глобальной торговле ценными бумагами, практически сравнялся с общемировым производством; с 1996 года они превзошли этот уровень. Международные потоки облигаций и акций росли в 1970-е годы и достигли пика в 1998 году. Транснациональные трансакции облигаций и акций, которые затрагивали граждан США, выросли с 6,9% от ВВП США в 1975–1979 годах до 221,8% в 1998-м – что более чем в 2

⁷³ Высокогорное плато (исп.). – Примеч. пер.

раза превышало ВВП США – перед снижением до 189% в 1999-м⁷⁴.

150 лет назад Маркс предвидел, что производительные силы будут приобретать все более социальный характер и придут, таким образом, к возрастающему противоречию с частной собственностью на средства производства. С того времени вплоть до 1980 года действительно существовал долгосрочный тренд на национализацию и/или регуляцию средств производства, транспорт (железные дороги, авиалинии, скоростной транспорт) и коммуникации (телефоны и, позднее, радио- и телевидение). Это была главная динамика в ключевых капиталистических странах, начиная с Первой мировой войны и до начала холодной войны. Это положение подкреплялось мощью советской промышленности и после Второй мировой войны существованием социалистического блока. Еще одна волна национализации пришла с постколониальным социализмом, Кубинской революцией, коалицией Народного единства в Чили и с предложениями национализации со стороны правительств Франции и Швеции в промежутке между серединой 1970-х и началом 1980-х годов.

⁷⁴ The World Bank. World Development Indicators. Washington, DC: The World Bank, 2005. Table 5.2; Dagens Nyheter. 12 April 2001. C3; *Held D. et al.* Global Transformations. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999. P. 208–209; *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Пеппардон Дж.* Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004. С. 244–246; Bank for International Settlements. 70th Annual Report. Basle: Bank for International Settlements, 2000.

Затем тренд развернулся в обратную сторону, столкнувшись с провалами и поражениями от Швеции до Чили, от Франции до Танзании и Индии, что сопровождалось нарастающим кризисом в социалистических странах. В Великобритании волна приватизации была инициирована Тэтчер, которая в данном отношении была радикальнее, чем ее чилийский аналог – Пиночет. С тех пор программы приватизации были осуществлены не только в посткоммунистической Восточной Европе, но и в большинстве оставшихся социалистических стран, Китае и Вьетнаме, и практически во всех социал-демократиях, не говоря уже о правых режимах. Подобные программы стали важным, порой решающим, условием для займов МВФ.

Как можно объяснить этот исторический поворот от национализации к приватизации? То, что случилось, было результатом стечения трех системных процессов, в условиях – благоприятных или неблагоприятных, что зависит от точки зрения, – непредвиденных обстоятельств.

1. Программа развития социалистических государств, зависящая от мобилизации природных и человеческих ресурсов при помощи отечественных или зарубежных технологий, начала исчерпывать себя. Впервые это стало очевидно в странах Центральной и Восточной Европы к середине 1960-х годов и десятилетием спустя в Советском Союзе. Вне области гонки вооружений с США вопрос о том, как созда-

вать новые технологии и увеличивать производительность, так никогда и не получил ответа. Из-за ввода войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году были заморожены коммунистические инициативы – начался период стагнации, который не смогла прервать *перестройка*.

2. Способности и цельность постколониальных государств оказались фатально неадекватными требованиям социального планирования и финансируемого государством экономического развития.

3. В ключевых капиталистических странах новые источники создания капитала и технологии управления бросили вызов дееспособности государства. Значительные социальные обязательства также сделали более трудным даже для богатых государств соответствовать новым требованиям инвестиций в инфраструктуру, в то время как взрывной рост финансовых рынков начал производить гораздо больше частного капитала.

Эти три системные тенденции слились в 1970-е годы. Приватизация приобрела собственную политическую направленность в появлении двух особенно безжалостных тенденций, возникших из кризиса управления, поразившего левую политику: пиночетизм в Чили и тэтчеризм в Великобритании. Ни в одном из этих случаев приватизация не была изначально принципиальным вопросом – за исключением ликвидации последствий проведенной Альенде национа-

лизации, – но скорее идеей, которая зародилась на ранних стадиях в окружении политических лидеров. После запуска ее поддерживали заинтересованные в ней инвестиционные банкиры и бизнес-консультанты. Приватизация превратилась в условие предоставления займов Всемирным банком и МВФ и в конце концов стала центральным пунктом повестки правоориентированных медиа. Как отмечалось, у произошедшего сдвига были некоторые технологические аспекты по большей части в области телекоммуникаций, а также некоторые управленческие нововведения. Аутсорсинг частного сектора развивался параллельно. Но в общем драйв приватизации питался от нового частного капитала и в значительной степени поддерживался идеологической модой.

Меньше класса – больше непочтительности

Промышленная занятость достигла пика в ведущих капиталистических странах во второй половине 1960-х годов; рабочее движение достигло исторического максимума и пика влияния в 1970-е годы; достаточно драматично развивавшийся процесс деиндустриализации произошел в 1980-е⁷⁵. В то время как индустриализация и формирование рабочего класса продолжались в Восточной и Юго-Восточной Азии, в наиболее значительной степени в Южной Корее – где заня-

⁷⁵ См. мою книгу: *Therborn G. European Modernity and Beyond*. London: Sage Publications, 1995. P. 69.

тость в промышленном секторе повысилась с 1,5% в 1960-м до 22% в 1980 году, достигнув своего пика в 1990-м на уровне в 27% от общего числа занятых, – деиндустриализация также ударила по старым индустриальным центрам третьего мира, таким как Бомбей. С 1980 года производственная занятость относительно снижалась во всех наиболее развитых странах Латинской Америки (за исключением Мексики, с ее контролируруемыми США *maquiladoras*⁷⁶)⁷⁷. Между 1965 и 1990 годами промышленная занятость в пропорции от мирового уровня занятости снизилась с 19 до 17%, а среди «промышленно развитых стран» – с 37 до 26%⁷⁸. Более поздние данные Международной организации труда (МОТ) за 1996–2006 годы показывают некоторую стабилизацию показателей на достаточно высоком уровне, с занятостью в промышленном секторе, достигающей показателя в 21% от мировой занятости, что связано с тем, что постиндустриальное снижение было скомпенсировано индустриализацией Южной Азии.

Тем не менее ясно, что великая эпоха промышленного ра-

⁷⁶ Так называют промышленные предприятия с международным разделением труда. Учредителями и управляющими таких корпораций являются главы крупных иностранных корпораций, главным образом США, которые переносят сборку товаров в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой. – *Примеч. науч. ред.*

⁷⁷ CEPAL. Panorama social de América Latina, 1997. Santiago de Chile: UN, 1997. Table III.

⁷⁸ ILO. World Employment 1995. Geneva: ILO, 1995. P. 29.

бочего класса подошла к концу. Фактически промышленный труд смог стать преобладающим лишь в постаграрной Европе, но не в США, Японии или Южной Корее, и крайне маловероятно, что это случится в будущем. Если в очередной раз обратиться к данным МОТ, то можно отметить, что сфера услуг приближается к рубежу, когда она превысит промышленную занятость и в Китае. Невероятный рост мегагородов третьего мира – от Каира до Джакарты, от Дакки до Мехико, Киншасы или Лагоса – производит пролетариат только в римском, домарксистском смысле «неформальной» занятости и торговли. В Индии только около 0,1 экономически активного населения заняты в официальном городском секторе экономики; в Китае – 23%. Хотя и существуют международные организации жителей трущоб, возможное их восстание (как это предполагает Майк Дэвис в своей книге «Планета трущоб»), если оно когда-нибудь случится, вряд ли будет соответствовать классическому репертуару протестов рабочего класса и революций. Классический «непочтительный коллективизм», основным историческим носителем которого выступало движение рабочего класса, прошел пик и постепенно ослабевает. Но это только часть истории.

Другим ключевым процессом этого периода была сильная эрозия традиционной почтительности как религиозной, так и социально-политической. Деаграризация была одним из факторов – занятость в аграрном секторе в промежутке между 1965 и 1990 годами снизилась с 57 до 48% от обще-

мировой, хотя крестьяне всегда и везде были далеки от того, чтобы быть почтительными. Согласно переписи 2000 года, городские жители в Китае составляют уже 1/3 населения; десять лет назад они составляли лишь 1/4. Нидерланды являются ярким примером секуляризации: начиная с момента введения всеобщего избирательного права в 1918 году и вплоть до 1963-го открыто религиозные партии получали более половины голосов на каждых выборах; а на протяжении следующих 20 лет эти результаты обвалились до 1/3 голосов. Сильно ослабла и хватка патриархата: права женщин и вопросы гендерного равенства встали на повестку дня фактически во всем мире⁷⁹.

То, что мы могли бы назвать социальной модернизацией, выросшей из изменений в экономике, образовании, массовой коммуникации, формальных демократических правах, международной миграции, имело эффект разрушения многих видов «почтительности», затрагивающих не только женщин и молодых людей, но также и служащих среднего класса в большинстве стран, нижние слои общества и даже «неприкасаемых» в Южной Азии, коренное население на всех континентах, городскую бедноту в трущобах больших городов третьего мира, католиков и европейских протестантов. Результаты этого процесса стали впервые заметны в 1960-е годы, с подрывом традиционного «клиентелизма» в Латинской

⁷⁹ См. часть 1 моей книги: *Therborn G. Between Sex and Power, Family in the World 1900–2000*. London: Routledge, 2004.

Европе и Америке. Это стало особенно очевидно в протестах 1968 года, а затем в женском движении, которое за ними последовало.

Одним из компонентов этой эрозии почтительности было создание новых форм бунтарского коллективизма. Коренные народы самоорганизовались с целью защиты своих прав и становились существенной политической силой в Америке, от арктической Канады до субантарктического Чили, а также важной силой в Боливии и Эквадоре. В Индии движения коренного населения, объединившиеся с экологическими организациями, получили право вето. Нижние касты переопределили свою коллективную идентичность в качестве далитов, угнетенных и униженных, но не грязных неприкасаемых; женщины работали над созданием транснациональных феминистских сетей. Но существовали и другие тренды. Один из них состоял в том, что может быть названо почтительным индивидуализмом, – поклонении богатству и успеху в любых его формах. Закат старых форм власти также представил возможности для возвышения новых разновидностей авторитаризма или фундаментализма – в особенности значимых для американских протестантов, Западной Азии, североафриканского ислама и израильского иудаизма. В то время как исламские фундаменталисты и латиноамериканские евангелисты пользовались плодами провалов секуляризованных левых и традиционных религиозных институтов, фундаменталистские течения внутри иудаизма и

протестантизма США, казалось, были движимы специфическими интересами идентичности.

На этой стадии невозможно подвести итог совокупному эффекту всех этих социальных процессов, с их многочисленными противоречиями, исключениями из них, а также неравномерным характером их протекания. Но мое впечатление состоит в том, что общее направление, в котором они двигались (и продолжают двигаться), не только далеко от традиционного коллективизма, но также сильно ориентировано на большую «непочтительность» перед лицом неравенства и различных привилегий, в особенности касающихся обладания властью и статусом. С левой точки зрения эти процессы предлагают не только потенциальное усиление будущих союзников в борьбе против почтительности, но и вызов индивидуалистскому или новому коллективистскому сомнению в традиционном коллективизме левых, антиимпериалистических и рабочих движений. Что даже более важно, эти процессы не просто предоставляют дополнительные ресурсы для левых. Они поднимают новые проблемы и задают новые вопросы касательно приоритетов, возможных союзов и компромиссов. В конце концов, экологическая политика и политика идентичности могут сойтись лицом к лицу с концепциями устойчивого развития и эгалитаризма классических левых. Непочтительность может также приобретать отталкивающие формы, такие как насилие на почве ксенофобии или криминальная деятельность.

Динамика политической сферы

Именно в этих координатах развивается динамика происходящего. Самыми непосредственными результатами являются те, что были созданы историческими итогами предшествующей политической борьбы. Здесь мы обозначим, что нам представляется наиболее значимыми поражениями и победами, успехами и неудачами за прошедшие 40 лет как для правых, так и для левых. Также мы укажем на то, какие параметры изменились в политической сфере.

Успехи левых

1. Дискредитация явного расизма и падение колониализма. До 1960-х годов европейское колониальное правление над другими народами все еще считалось абсолютно легитимным. Чернокожим в США все еще отказывали в предоставлении гражданских прав. Деколонизация Африки, поражения институционализированного расизма в США, отказ от политики апартеида в Южной Африке и поражение империализма США на Кубе и во Вьетнаме были громкими победами левых, которые значительно изменили политическое пространство мира.

2. Послевоенная дискуссия о государстве всеобщего благосостояния в развитых капиталистических странах – озна-

чает ли новоприобретенное благополучие, что в дальнейшем будет требоваться меньше социальных расходов, или что общественная безопасность, а также надлежащее социальное обслуживание отныне стали доступными по цене – была безоговорочно выиграна левыми, в особенности в Западной Германии, Скандинавии и Нидерландах, а затем закреплена результатами выборов в 1960-е годы.

3. Мировое студенческое движение 1968 года было важным шагом вперед для сил непочтительности по всему миру, поскольку оно атаковало не только традицию и реакционность, но и самодовольство социального либерализма, социальной демократии, коммунизма и национальных революций. Оно отрицало существовавшую установку на экономический рост и продвигало массовое образование как адекватное дополнение классическому Просвещению, за которое ратовали левые, требуя эмансипации и равенства, а также поставило на повестку дня освобождение и самореализацию.

4. Новое феминистическое движение поставило под сомнение лидерство левых радикалов мужского пола в движениях за освобождение и равенство, в которых традиционные гендерные роли оставались неизменными. В общем, феминизм, ставя под вопрос маскулинную роль капитала, равно как и патриархата, был движением левых в самом широком смысле, хотя и в большей степени в Западной Европе и в странах третьего мира, чем в США. В прошлом электоральное поведение женщин стремилось к тому, чтобы быть бо-

лее правым в сравнении с мужчинами, несмотря на тенденции к объединению с левыми, которые были характерны для первых феминистских движений. Но на протяжении 1980–1990-х годов этот паттерн в капиталистических демократиях изменился, поменяв электоральные предпочтения женщин. Они стали тяготеть к левоцентристским партиям и кандидатам (что было отчетливо заметно на последних президентских выборах в США⁸⁰).

Провалы и поражения левых

1. Важным поворотным пунктом стал провал левых, не сумевших справиться с конфликтами в распределении ресурсов, которые возникли во время экономических кризисов 1970–1980-х годов. Западные социал-демократы – в первую очередь британская Лейбористская партия, американские либералы, латиноамериканские популисты и чилийские левые – столкнулись с подобными конфликтами, что привело к еще большим серьезным инфляционным кризисам, безработице, экономической неуправляемости и рецессии. Их провалы расчистили путь мощной ответной реакции правых сил – жесткой в Латинской Америке, но в Северной Америке и Западной Европе реализованной в формально демократических границах. Так возник неолиберализм, который все

⁸⁰ Скорее всего, имеются в виду президентские выборы 2008 года, на которых победил представлявший Демократическую партию Барак Обама. – *Примеч. ред.*

еще с нами.

2. *Rendez-vous manqué*⁸¹ между протестующими 1968 года и существовавшими рабочими движениями. После первой волны индивидуалистического иконоборства первые обратились к подражанию раннему большевистскому романтизму и «партийному строительству». В свою очередь, разочарование в этом создало значительное количество либеральных отступников правого толка, *nouveaux philosophes*⁸² и идеологических штурмовиков времен Войны в заливе и Косово, равно как и потворствующий своим желаниям индивидуализм наследия Клинтона. Значительная часть непочтительного индивидуализма 1968 года продолжала существовать в порой политически эксплицированном виде, как в феминистских и экологических движениях, так и в активистской борьбе за права человека. Но из-за той так и не состоявшейся встречи потенциал для исторического обновления или переучреждения левых был потерян.

3. Способность правых к применению насилия, фатально недооцененная левыми, привела к кровавым поражениям: Индонезия в 1965-м, южная оконечность Латинской Америки в начале 1970-х годов, затянувшаяся, но в пропорциональном отношении даже более смертоносная схватка в Цен-

⁸¹ Не произошедшая встреча (фр.). – Примеч. пер.

⁸² Новые философы – направление во французской философии, сформировавшееся после 1968 года, в которое вошли молодые философы, заявившие о разрыве с марксизмом. – Примеч. пер.

тральной Америке.

4. Развал социалистического лагеря в 1990-е годы был в историческом отношении негативным фактором для левых (как для некоммунистов, так и для коммунистов): возможность достижения жизнеспособного некапиталистического общества потеряла значительную часть своего кредита доверия. Кончина коммунизма не была ни героическим поражением, ни результатом ускорившихся процессов разложения. На самом деле это была ирония судьбы. И в Советском Союзе, и в Китае начало конца было положено волной радикальных и неожиданных внутренних реформ; в обеих странах развязка наступила именно как непредвиденный результат успеха этих реформ. В Советском Союзе реформы были в значительной степени политическими и демократическими; они погрузили плановую экономику в хаос и в конце концов сыграли на руку националистически настроенным политикам. В Китае они были в большей степени экономическими, и им потребовалось больше времени для того, чтобы разорвать в клочья социалистическую политику, одновременно глубоко разложив однопартийное государство. Восточная Европа обогнала СССР, освободившись еще до его окончательного распада, а коммунистическая Юго-Восточная Азия последовала за Китаем с относительной осторожностью.

Двум небольшим коммунистическим режимам, тем не менее, удалось остаться самими собой используя совершен-

но различные стратегии выживания. В результате национальной изоляции северокорейский коммунизм мутировал в династическое государство с баллистическими ракетами и массовой нищетой. Куба выжила, сохранив революционную целостность режима, хотя едва ли можно утверждать, что это государство является менее авторитарным, чем было раньше. Ее внутренняя стратегия заключалась в том, чтобы вновь стать крупным международным курортом. В то время как туризм в действительности является индустрией будущего, менее очевидно, что пляжный отель может быть социальной моделью в среднесрочной перспективе⁸³.

5. Еще одна трудность для левых: неолиберальная экономическая политика реально принесла определенные материальные выгоды, и ее нельзя было объявить полным провалом правых. Неолиберальные правительства сумели обуздать инфляцию, что стало значительным политическим активом в 1990-е годы в Аргентине, Боливии, Бразилии, Перу и многих других странах. Открытие мировых рынков означало появление новых возможностей для огромного числа людей. Некоторые приватизационные инициативы преуспели не только в предоставлении большего числа привилегий для меньшинства, но и в оживлении инвестиций, а также в предоставлении услуг: телекоммуникации служат тому яр-

⁸³ Многие – если не большинство – лучшие кубинские отели являются общественной собственностью, но, как правило, они управляются иностранными капиталистическими предприятиями.

ким примером.

6. Геополитические события на государственном уровне значительно повлияли на баланс левых и правых сил. Вот краткий список этих важнейших событий. Раскол между Китаем и СССР, позднее воспроизведенный Пол Потом в конфликте с Вьетнамом, разделил и деморализовал левых, одновременно резко укрепив позиции правых. Распад государств в независимой Африке, начавшийся в Конго в 1960 году, оставил мало пространства для проведения левой политики и реализации левых инициатив на континенте – ограничение, закамуфлированное на некоторое время геополитическим союзом некоторых лидеров с СССР. Катастрофическое поражение в войне с Израилем в 1967 году дискредитировало и деморализовало секуляризованных арабских левых по всему региону и взрастило агрессивных религиозных фундаменталистов как среди арабов, так и среди евреев.

В дополнение к перечисленным успехам и провалам следует отметить, как в целом изменились характеристики политического пространства на протяжении данного периода. Опять же у нас есть место лишь для того, чтобы указать на влияние некоторых из этих процессов на баланс сил между правыми и левыми. Во-первых, произошел рост популярности экологической политики, которая резко усилилась во время нефтяного кризиса середины 1970-х годов. Будучи более критично настроенными по отношению к капиталу, чем

к рабочей силе и труду, представители этого течения поставили под вопрос фундаментальную левую перспективу развития промышленности и, возможно, оказались более терпимыми к безработице и экономическому неравенству, чем это было характерно для традиционных левых. Во-вторых, политики, выступавшие за этническую и сексуальную идентичность, приобрели гораздо больше влияния в некоторых частях света. Их отношение к социально-экономическим вопросам часто двусмысленно – они, например, критически настроены по отношению к неравенству, которое влияет на их группы или сообщества, но не по отношению к тем или иным видам неравенства в целом.

Влияние технологий

Новые достижения в научном знании и технологическом развитии на протяжении последних 40 лет также имели значительное влияние на политическое пространство. В первую очередь следует отметить влияние технологий на ускорение промышленного производства, вылившиеся в относительную деиндустриализацию и, как следствие, исчезновение традиционной среды существования рабочего класса. Телевидение способствовало созданию новых ориентированных на домашнее существование общественных отношений и политики, более сфокусированной на визуальности. Дальнейшее развитие в области телекоммуникаций – спутниковое

вещание, мобильные телефоны, e-mail и Интернет – имело неоднозначные последствия, разрушая одновременно и коммуникации в сфере услуг, и возможности общественного контроля⁸⁴. Наконец, спустя более чем столетие после Дарвина, биология в очередной раз стала площадкой для распространения знания и технологий и наряду с этим – для культурной идеологии. Политическое поле будущего, несомненно, будет содержать значительный элемент «политики жизни» по таким вопросам, как здоровье, окружающая среда, борьба со старением, генная инженерия, вопросы этики и качество жизни.

⁸⁴ Это ослабление контроля за общественным порядком может быть обращено вспять в ближайшем будущем: интересным тестом станет то, как власти будут иметь дело с грядущими ЕС, ВТО или саммитами Всемирного банка. Технологии глобального наблюдения и шпионажа уже существуют в американской системе «Эшелон».

Культуры критики

Критическое мышление зависит от культурной почвы. Чтобы быть осмысленной, критика должна отталкиваться от определенных предпосылок или принципов, укорененных в ее объекте. Просвещение и вытекающие из него традиции предоставили идеальную отправную точку для левой критической мысли. Критическое исследование, которому не препятствуют существующие авторитеты и убеждения, было заложено в смысловом ядре Просвещения – *sapere aude!* (Дерзай знать!)⁸⁵. Его универалистский принцип разумности послужил трибуналом для критических выпадов против мудрости предков и самопровозглашенных наследников Просвещения.

Европейская современность культурно и философски развилась из Просвещения, а в политическом отношении – из Великой французской революции. Ее политическая культура была сосредоточена на противостоянии между народом/нацией и монархом, его аристократическим окружением и высшими церковными иерархами. Хотя у сил, поддерживавших *status quo*, были сильные институциональные и интеллектуальные ресурсы, на которые они могли опереться, культура европейского модернизма стала плодородной

⁸⁵ Девиз И. Канта на русском звучит так: «Имей мужество использовать свой собственный разум!». – *Примеч. пер.*

почвой для радикальной критической мысли; Европа после 1789 года стала главной мировой ареной для идеологических конфронтаций. Так что же в действительности происходило с правами человека, со свободой, равенством и братством в условиях промышленного капитализма и политики землевладельцев? Концепт класса был сформирован еще до Маркса в первых прорывах европейского модернизма, в рефлексии над промышленной революцией в Великобритании и над Великой французской революцией. Ценность, приписываемая «прогрессу», как правило, подрывала базовые положения консерватизма.

Как я более полно аргументировал это в других контекстах, современный разрыв с прошлым принял разные формы в разных частях света – европейский путь; путь, который подошел поселенцам в Новом Свете; колониальный путь и путь модернизации сверху.

В новом мире американских поселенцев после обретения независимости современная мысль стала конвенциональным мейнстримом, которому бросали вызов противники в лице католического клерикализма в Колумбии и в некоторых других частях Латинской Америки. Главным в обеих Америках был не вопрос «Что такое права человека?», но скорее «Кто такие люди?». Включает ли понятие «человек» коренное население? Черных? Неотесанных новых мигрантов? Суммируя политическую культуру Нового Света, выделим два особо важных аспекта. Во-первых, в США либерализм – в ши-

роком смысле как защита свободы (частных практик, частной собственности, личных убеждений) и приверженность науке и прогрессу (разуму) – имел гораздо более прочную интеллектуальную хватку, чем в Европе, обычно, если не всегда, отодвинутый в этом регионе на второй план социалистической критикой. Во-вторых, из-за гораздо менее выраженных идеологических различий в Америке марксистская мысль и политика в некоторых случаях гораздо легче сливались с мейнстримными политическими течениями, такими как Новый курс, креольский популизм на Кубе, в Гватемале и Аргентине в 1940-е годы или чилийский радикализм 1960–1970-х годов.

Антиколониальный модернизм колонизированных стран – перспектива, также взятая на вооружение в Латинской Америке теми, кто не признавал поселения креолов, – значительно благоприятствовал радикализму. Современные колонизированные – поколение Неру, Сукарно, Хо Ши Мина и Нкрумы – вероятно, были людьми, наиболее остро испытывавшими на себе противоречия либерально-европейской реальности. С одной стороны, они, изучая их язык, их культуру, политические принципы нации/народа, права и принципы самоопределения, идентифицировали себя с агрессором, колониальной властью. С другой стороны, они пережили отказ в правах и самоопределении для своего народа, столкнулись с заносчивостью и стальными кулаками либерально-го империализма. Социалистический радикализм, как ком-

мунистический, так и некоммунистический, был способом мышления, пропитывавшим все стороны антиколониального национализма после Второй мировой войны.

Реактивная модернизация сверху, напротив, оставляла мало пространства для радикальной мысли. По определению она означала инструментализацию нации, политики, науки и прогресса, с учетом сохранения режима перед лицом внешней – реальной или выдуманной – империалистической угрозы. С тех пор как свобода, равенство и братство были предопределены в мейнстриме как средства усиления режима, их неотъемлемые общественные противоречия были оставлены или отодвинуты на второй план. Это, конечно, не предотвратило развитие радикальных течений наряду с современными в целом идеями в Японии, Сиаме, Турции и деколонизированном арабском мире. Там, однако, они столкнулись с менее плодородной почвой и более репрессивным контролем.

Модернизм – с его приверженностью разуму, науке, изменениям, прогрессу и будущему – не был по своей сути левоориентированным. (В третьей главе разбираются различные «большие нарративы» современности и их отношение к марксизму.) В конце XIX века традиционалистский консерватизм получал все большую поддержку, и в Америках его обогнали правоориентированный модернизм, который расхваливал первостепенные права сильнейших и наиболее приспособленных. Это были социальный дарвинизм и новый

язык либерального империализма, два важных ингредиента фашизма XX столетия. Тем не менее после Сталинграда и Освенцима этот расистский, империалистический и милитаристский модернизм был побежден и совершенно дискредитирован. Немилитаристский *laissez-faire*⁸⁶ социального дарвинизма, пропагандируемый среди прочих Гербертом Спенсером, будучи очень влиятельным в США, с его позицией в отношении антагонизма между индустриализмом и милитаризмом, был опровергнут Первой мировой войной, а его экономические положения уничтожила Великая депрессия 1930-х годов.

После Второй мировой войны модернизм был невероятно близок левым взглядам во всех частях света, за исключением в основном стран, включенных в процессы реактивной модернизации. Затем, в 1980-х годах, случился сход лавины постмодернизма. В тот же самый период, когда произошло затмение политического марксизма, можно было наблюдать и отказ от современности во имя постсовременности и подъем постмодернизма. У последнего было по меньшей мере два разных источника⁸⁷. Первый – это эстетика: мутация модернистского наследия авангарда, наиболее развитая в области архитектуры как реакция против аскетизма высокого модернизма Миса ван дер Роэ и интернациональ-

⁸⁶ Политика невмешательства государства в экономику (*фр.*). – Примеч. ред.

⁸⁷ См. непревзойденную критическую археологию Перри Андерсона: *Андерсон П. Истоки постмодерна*. М.: Территория будущего, 2011.

ного стиля. Другой источник относится к области социальной философии – это манифестация усталости и фрустрации бывших левых. Ключевая фигура здесь – французский философ Жан-Франсуа Лиотар, разочарованный бывший боец крайне левой группы «Социализм или варварство»⁸⁸.

Почему постмодернизм оказался столь внушительным вызовом? Почему в постсовременности «крайне нуждались, интуитивно жаждали и отчаянно к ней стремились», как это выразил один из ее ранних приверженцев, благодаря скептическому ретроспективному рассмотрению?⁸⁹ Эстетическую привлекательность легко понять как прежде всего иную манифестацию безжалостного модернистского стремления к обновлению; как то, что влияет на специфические формы модернизма, будет находиться в оппозиции к его непосредственным предшественникам/врагам, равно как понятен и социокультурный контекст. Но все еще остается вопрос теоретического и политического значения постмодернизма. Здесь Джеффри Александер схватывает один важный аспект, когда делает вывод, что «теория постмодерна... может рассматриваться как попытка исправить проблему смысла, порожденную переживаемым провалом “шестидесятых”»⁹⁰.

⁸⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

⁸⁹ Bauman Z., Tester K. Conversations with Zygmunt Bauman. Cambridge: Polity, 2001. P. 71.

⁹⁰ Александер Дж. Модерн, анти-, пост- и нео-: как интеллектуалы объясняют

Все это включало примечательное смешение гениальной прозорливости и близорукости. В культурной области важные изменения очевидно имели место между работами, скажем, Миса ван дер Роэ и Роберта Вентури, или Джексона Поллока и Энди Уорхола – изменения, возникшие в 1960-х годах и задавшие новый эстетический тон последовавшим десятилетиям. Эти процессы заслужили анализа нового вида культурного производства, такого, который провел Фредрик Джеймисон в книге «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма»⁹¹. Но даже самые лучшие попытки соотнести культурный анализ с социально-экономическими трансформациями никогда полностью не увенчивались успехом, чтобы отобразить связи между этими феноменами. Джеймисон основывает свой подход на «Позднем капитализме» Эрнста Манделя, изображающем послевоенный экономический мир, возникший в 1960-х годах. Мандель в значительной степени фокусировался на государственном регулировании капитала и его непреодолимых ограничениях, так что Джеймисон не обсуждает «поздний» капитализм после 1975 года или всплеск неолиберального модернизма правого толка⁹². Несмотря на свои эпохальные достижения, постмо-

«наше время» // Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. С. 554.

⁹¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.

⁹² Книга «Поздний капитализм» Эрнста Манделя была опубликована на английском языке в 1975 году; немецкое издание вышло в 1972 году в издательстве

дернизм мутировал в набор культурных и политических нападков на современность и модерн – слабость в области академической аналитики⁹³. Вне специфических кругов архитекторов и деятелей искусства он в значительной степени обращался к левым и бывшим левым, включая феминизм, и уделял скудное внимание одновременному подъему модернизма правого толка, которое приняло вид неолиберализма или агрессивного капитализма⁹⁴.

Вместо этого постмодернизм питался деморализацией и неуверенностью левых, последовавшими за концом эйфории 1960–1970-х годов. Его критика разума и рациональности процветала за счет «фабрики образов» общества телевидения, обеспечивая поддержку академическим *cultural studies*⁹⁵. Плюс ко всему существовали еще два столпа новой доктрины постсовременности. Один из них – это социальное реструктурирование, которое вылилось из деиндустриализации, – эпохальный социальный сдвиг. Другим была критика модернистского прогресса, появившаяся из осо-

Suhrkamp. Согласно предисловию автора, наиболее значимые элементы теории позднего капитализма были разработаны в 1963–1967 годах.

⁹³ См. также работы Линды Хатчеон и Паулин Росенау: *Hutcheon L. The Politics of Postmodernism*. London: Routledge, 2002; *Rosenau P.M. Post-Modernism and the Social Sciences*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

⁹⁴ Сам Джеймисон насмешливо отрицает интеллектуальную привлекательность доктрины: «никто не сможет убедить меня в том, что сейчас в мысли Милтона Фридмана, Хайека или Поппера можно отыскать что-то гламурное». См.: *Jameson F. A Singular Modernity*. London: Verso, 2002. P. 2–3.

⁹⁵ Наука о культуре (англ.). См.: *Андерсон П. Истоки постмодерна*. С. 112.

знания экологических проблем, которые были интенсифицированы нефтяным кризисом 1970-х – начала 1980-х годов. Экологизму, возможно, и было тяжело процветать в эзотерической атмосфере постмодернистского философствования, но его последователи оказались восприимчивы к постмодернизму. В самом деле, массовое тиражирование визуальных образов, деиндустриализация и экологические последствия предоставили социальную эко-комнату для постмодернистского дискурса дезориентации (экс)левых. В противовес этому модерн – объект постмодернистских нападок – определялся самыми разными способами. В книге Джеймсона «Сингулярная современность», к примеру, угрюмо отмечаются «регрессии» от более раннего «консенсуса» вокруг «полной постсовременности», обсуждаются аскетизм модернизма, его фаллоцентризм и авторитаризм, телеология его эстетики, его минимализм, его культ гения и «неприятные запросы», которые были предъявлены аудитории и публике⁹⁶.

Хотя интеллектуальная волна постмодернизма в настоящее время ослабела, правое возрождение правого модернизма никуда не делось. Заражение социального дарвинизма фашизмом замели под ковер, однако глобализация определяется как выживание наиболее приспособленного, свобод-

⁹⁶ *Jameson F. A Singular Modernity. P. 1.* Но были ли в действительности аскетизм, фаллоцентризм и авторитаризм более важными и универсальными для модерна, чем для культуры и обществ, существовавших до модерна?

ная от спенсерианского пацифизма и сопровождаемая громкой барабанной дробью неоимпериализма. «Модерн» становится собственностью либеральной реакции. «Модернизация» рынка труда обычно означает увеличение прав капитала и работодателей. «Модернизация» пенсионной системы, в общем, означает уменьшение прав пожилых людей. За этим термином редко скрывается расширение прав наемных рабочих, безработных или пенсионеров, и сокращение – для капитала или государственных служащих. Если представить социалистический модернизм одним из видов животных, то он находится на грани вымирания.

Прогрессивная академическая культура пришла в упадок, а постмодернизм превратился в социокультурные исследования – тенденция, которая теснее связана с сужением политических возможностей *extra muros*⁹⁷, чем вид опасных внутренних антилевых позиций, появившихся внутри Французской академии и в определенных посткоммунистических кругах. Вдохновленная Марксом и когда-то сильная университетская экономическая наука в Японии, которая пережила великий послевоенный бум, иссякла; радикальная историография в Индии, похоже, потеряла свою впечатляющую динамику; а в Латинской Америке политические эссе левых интеллектуалов вышли из моды. Государственные университеты потеряли многих из своих лучших исследователей, перешедших в правоориентированные институты. Массовая

⁹⁷ Вне стен (лат.). – Примеч. пер.

приверженность марксизму в континентальной Европе и Латинской Америке сошла на нет. Университетские студенты не только были деполитизированы, их движения также диверсифицировались и ныне включают предназначенные для уличных боев ударные отряды, поддерживающие либерально-демократические, проамериканские «цветные революции» в Сербии, Грузии и на Украине, таких как антиchauvinistская оппозиция в Венесуэле.

Академия, аналитические центры и государственные исследовательские институты, тем не менее, все еще поддерживают широкий диапазон марксистской и левой мысли. Политически более изолированные англосаксонские университеты справляются с этим лучше, чем латиноамериканские, которые всегда более восприимчивы к политическим движениям и амбициям. Нонконформизм все еще хорошо представлен в Оксбридже и в Лиге плюща, так же как и в лучших университетах Сан-Паулу и Сеула. Отчасти их силы черпаются из более опытного поколения, которое представляют интеллектуально ориентированные студенческие радикалы конца 1960-х – начала 1970-х годов, достигших профессорских званий. Но в последние 5–10 лет расцвело новое, хотя и меньшее по размеру, левоцентристское интеллектуальное поколение.

Имели место и институциональные обновления. Одним из примеров является оживление деятельности Латиноамериканского совета по социальным наукам (КЛАКСО) под ру-

ководством Атилио Борона и до недавнего времени Эмира Садера, которым оказывают финансовую помощь шведские и другие иностранные фонды. КЛАКСО финансирует прогрессивные эмпирические исследования и в целом стал важным вдохновляющим примером; в деятельность совета входит мониторинг протестных движений в Латинской Америке, которые в 2000-е годы вылились в увеличившееся количество акций, а также продвижение контактов по линии Юг – Юг⁹⁸. Более слабый африканский эквивалент КЛАКСО, Совет по развитию экономических и социальных наук в Африке (КОДЕСРИА) со штаб-квартирой в Дакаре не так давно получил второе дыхание. Среди исследовательских центров ООН можно найти несколько продуктов ранней прогрессистской эры, в частности из стран третьего мира, которые отлично работают, при этом не забывая о дипломатической осторожности. Латинская Америка тоже была важным центром мысли и анализа культур глобализации, что можно обнаружить в работах Октавио Ианни и Ренато Ортиса в Бразилии или, например, у Нестора Гарсиа Канклини в Мексике⁹⁹.

Всегда существовал сильный маргинальный антимодернизм субальтерна, нашедший свое красноречивое выраже-

⁹⁸ См.: *Bóron A., Lechini G. (comp.). Políticas y movimientos sociales en un mundo hegemónico. Buenos Aires: CLACSO, 2007.*

⁹⁹ *Canclini N.G. Culturas Híbridas. Mexico: Editorial Paidós, 2002; Ianni O. A sociedade global. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 1992; Ortiz R. Mundializacao e cultura. São Paulo: Brasiliense, 1994.*

ние в истории рабочего класса Э.П. Томпсона в Англии и многотомнике «Исследования субальтерна» Ранаджита Гу-хи и его коллег в Индии. Этой работе симпатизировал теоретик Джеймс Скотт¹⁰⁰. Марксистское рабочее движение обычно могло использовать его в социалистической критике индустриального капитализма. Но сейчас, когда марксистская диалектика потеряла большую часть своей силы, необходимо систематически описать, пусть и кратко, ныне существующие политические импликации антимодернизма.

Здесь нам интересны движения, критикующие модернизм, которые, тем не менее, не являются сторонниками традиционных привилегий и правых властей. Таких движений несколько, и они стремятся к тому, чтобы объединиться в две группы, одна из которых ставит под вопрос призыв к «прогрессу», «развитию» и «росту», а другая – примитивный «рационализм» и секуляризм.

Среди разнообразных критик прогресса и развития есть одна, которая перекочевала из эпохи промышленной революции в постиндустриальный мир: защита традиционных средств к существованию ремесленников, крестьян, маленьких фермеров, рыбаков и племенных сообществ. Подоб-

¹⁰⁰ Работа Скотта, ставшая классикой, – это книга «Оружие слабых»: *Scott J. Weapons of the Weak*. New Haven; London: Yale University Press, 1985. См. также: *Scott J. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale: Yale University Press, 1992; *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

ная защита легко поддерживается антикапиталистически настроенными левыми в оппозиции и была воспринята ныне существующим Всемирным социальным форумом. «Мы не хотим развития. Мы просто хотим жить», – гласил заглавный баннер в Мумбаи в 2004 году. Однако, выраженный в сильных, но неточных терминах, он не имеет никакого смысла для мировой общественности, которая борется за то, чтобы выбраться из бедности. Как движение против экономического развития эта позиция часто распадается на изолированные малозначительные баталии, пользующиеся неэффективной и ограниченной поддержкой.

Всемирный социальный форум (ВСФ) 2000-х годов повлек за собой сходные антимодернистские протестные движения в разных странах и на разных континентах, а также предложил им платформы и благодарную публику. Но это было возможно лишь потому, что ВСФ – лишь форум, площадка для встреч, на сегодняшний день наиболее любопытная за последние 20 лет, – но не движение или даже активная сила. Создаваемая на форумах критическая культура родилась из сопротивления неолиберальному модернизму. Глобальная амплитуда нападок последнего породила большое число неудачников и критиков, которых объединила вместе в рамках присущего движению латиноамериканского стиля в 2001 году разнообразная коалиция бразильских социальных движений и французских ученых и журналистов, сгруппировавшихся вокруг ежемесячной газе-

ты «La Monde Diplomatique»¹⁰¹. Значительная организационная инфраструктура была предоставлена представителями Рабочей партии в Порту-Алегри и Риу-Гранди-ду-Сул, Коммунистической партии Индии (марксистской) [КПИ(м)] в Мумбаи, а также французами и другими троцкистами в альтернативном глобализации движении АТТАС. Но в своем идеологическом экуменизме, отсутствии единого управленческого центра и действительно глобальном характере ВСФ представляет собой по-настоящему новый феномен в мировой истории левых. Вместе с тем существование стимулирующего культурного пространства не становится действием, автоматически меняющим реальность, что, в конце концов, привело к напряженным спорам в рамках широкого Интернационального совета ВСФ¹⁰².

Другое течение, старое как сам модернизм, приводится в действие приверженностью к естественному или эстетическому стилю жизни, изначально мыслимому как протест против массовой, уродливой и нездоровой урбанизации. В 1960-е годы, прежде всего в Западной Европе и Северной Америке, это привело к возникновению влиятельного урбанистического движения против уничтожения го-

¹⁰¹ Cassen B. On the Attack // New Left Review. January-February 2003. No. 19. P. 41–62.

¹⁰² Ср.: Sousa Santos de B. The World Social Forum and the Global Left // Politics & Society. 2008. Vol. 36. No. 2. P. 247–270; Whitaker C. Crossroads do not always close roads. <http://www.openspaceforum.net/twiki/tiki-print_article.php?articleId=496> (дата обращения 12.08.2020).

родских исторических центров с целью создания пространства для шоссе и коммерческой застройки. Оно одержало несколько важных побед в больших городах, таких как Амстердам, Париж и Вашингтон (округ Колумбия), наряду с маленькими местечками вроде Лунда, моего старого университетского городка в Швеции. С тех пор оно распространилось по миру. Радикально настроенные левые – и в значительно меньшей степени социал-демократы и их левоцентристские эквиваленты – обычно играли активную роль в этих урбанистических движениях, а широкие, победные коалиции доказали свою оправданность. Политическая ирония заключается в том, что такие коалиции, как правило, включали сильную компоненту культурных консерваторов правого толка, так что заслуга в успехах оправданно может быть предметом притязания как правых, так и левых. Тем не менее загрязнение и транспортная перегруженность азиатских городов, и вообще городов третьего мира, свидетельствует о слабости и настоящей необходимости в критических городских движениях.

В некоторых частях богатых стран мира, особенно в Калифорнии, развился особый вид постмодернистской культуры среднего класса, следы которой берут начало в молодежной культуре «1968 года» – индивидуалистичной, непочтительной, гедонистической, но вовсе не обязательно консюмеристской, не затронутой неослабевающим драйвом капитализма к накопительству. Открытый идеалистической аргу-

ментации, а также пониманию вопросов экологии и эстетики – это слой, с которым может быть связан левый дискурс. Янгстеры с Севера, которые приезжает на Всемирный социальный форум, часто родом именно отсюда. Хотя присущий данному классу «дух капитализма» едва способен трансформировать безжалостность реально существующего капитализма, как подразумевают некоторые энтузиасты-теоретики (пусть и с оговорками), все же здесь наблюдаются новые возможности для диалога и коммуникации с левыми – что в свое время делал старый либерализм Просвещения¹⁰³.

Экологическая критика девелопментализма может быть достаточно легко объединена с защитой средств к существованию и эстетикой городских сообществ, но как значимое движение она младше: ее корни растут из начала 1970-х годов и влияния (недавно обновленного) доклада «Пределы роста». Изначальная неомальтузианская направленность этой критики была сфокусирована на истощении ресурсов планеты, что впоследствии сменилось упором на разрушение окружающей среды, в настоящий момент с акцентуацией внимания на последствиях антропогенного изменения климата. Но модернизм инженеров, благодаря которому был построен Советский Союз, а в настоящий момент – строится постмаоистский Китай, столь же глух и слеп к внешним факторам окружающей среды, как и капиталистический мо-

¹⁰³ Ср.: Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Thrift N. Knowing Capitalism. London: Sage, 2005.

дернизм, описанный в «Манифесте Коммунистической партии». В этом отношении следует заметить, что первые оппозиционные движения в позднекоммунистической Восточной Европе часто были именно экологическими.

Энвайроментализм и девелопментализм достигли модернистского компромисса, по меньшей мере в теории, в понятии «устойчивого развития». До той степени, в которой оно принимается всерьез, это понятие представляет важную основу для критики неограниченного капитализма. В самом деле, социализм имел бы гораздо больше смысла в XXI веке, если бы концепции устойчивого развития развивались из социалистической теории, а не перерастали в запоздалые экологические оценки капитализма.

Во втором кластере вызовы модернизму, секулярному универсализму европейского Просвещения, наряду с его ответвлениями в сторону поселенческого либерализма, антиколониального национализма и реактивного девелопментализма сверху, были брошены с позиций этнонационализма, этнорелигиозных движений и возрождающегося религиозного универсализма. Разными способами эти новые культурные тенденции, которые насмеваются над самоуверенным секулярным эволюционизмом современности, строго ограничивают радикальную критическую мысль. Их неподвижное появление призывает к переосмыслению некоторых оценок европейской современности.

Маркс, Энгельс и более поздние великие марксисты все-

гда были гораздо более проникательными и осмотрительными, чем краткие изложения их идей в учебниках. В то время как этничность, нации или национальные конфликты в учебниках никак не представлены, теоретики марксизма всегда уделяли значительное внимание их стратегической важности – от гипотезы Маркса о связи будущих революций в Ирландии и Великобритании до концентрации Ленина и Коминтерна на проблемах национального освобождения. Вместе с тем сама по себе этничность не содействует критической или радикальной мысли. Наоборот, этнические/национальные мобилизации стремятся к закреплению существующей этнокультурной замкнутости. Лидерство, которое обычно имеет трансэтническую аккумуляцию, может совместить национальную борьбу с глобальным антиимпериализмом и универсалистскими проектами социальных изменений, с социализмом или с коммунизмом, но их национальный статус основывается не на этом. Позиции антиимпериализма и/или социализма могут поэтому в изменившихся геополитических условиях легко отбросить. Эфиопия и Зимбабве Мугабе¹⁰⁴ являются тому яркими примерами; другие – это современный Иракский Курдистан, где представители самого влиятельного рода Барзани когда-то подняли знамя марксизма-ленинизма.

До восстановления отношений с СССР после Второй ми-

¹⁰⁴ Роберт Мугабе был в ноябре 2017 года отстранен от поста президента Зимбабве; умер в 2019 году. – *Примеч. ред.*

ровой войны и определенных сдвигов после II Ватиканского собора в Западной Европе и Латинской Америке марксизм глубоко укоренился в секулярном, антиклерикальном и часто атеистическом течении модернизма. Там, где коренные народы имели сильные религиозные привязанности, как, например, в большинстве стран исламского мира, возникал существенный барьер между марксизмом и населением. Но даже в Индонезии, где более открытая исламская культура не помешала появлению возглавляемого марксистами массового движения, резня 1965 года подпитывалась подстрекательскими действиями религиозной направленности.

Неудачи секулярных антиколониальных националистов привели к возрождению религиозных движений на новом уровне, насквозь политизированных в Арабском исламском мире и в значительной части индуистской Индии; по большей части аполитичных в христианской Африке, за исключением Юга, где они столкнулись с режимом апартеида; политически активных, но внутренне разделенных в Латинской Америке на течения христианской демократии, теологии освобождения и поддерживаемого США протестантизма (либо правого, либо политически индифферентного). Это религиозное возрождение, которое также включает мощный фундаментализм правых христиан в США и международное оживление воинствующего иудаизма, значительно видоизменило культурные характеристики левых.

Между фундаментализмом среднего и высшего классов –

неважно, христианским, иудейским, исламским, индуистским или буддистским – и левыми нет общего языка, который мог бы облегчить диалог, существующий начиная с европейского Просвещения между либерализмом среднего и высшего классов. С религиозностью народных слоев, тем не менее, такой диалог мог бы состояться.

Исторически было невероятно сложно – и это редко удавалось – достичь какого-нибудь общего понимания или любой формы кооперации между сильными религиозными подчиненными сообществами, с одной стороны, и левым рабочим движением – с другой. Христианские социальные движения конца XIX и начала XX века в континентальной Европе обычно организовывались местным духовенством, обеспокоенным индустриальной секуляризацией, наиболее важным представителем которой было социалистическое рабочее движение. Культурный антагонизм практически перевесил их общие социальные интересы, бедность и несчастье, против которых рьяно выступали христианские движения. Несмотря на растущие трения и время от времени случавшиеся конфликты, эти религиозные движения лояльно соблюдали субординацию по отношению к церковной иерархии и политическим лидерам, которых последняя благословляла. До того момента как религиозные профсоюзы секуляризовались, как это случилось в Австрии после Второй мировой войны, а в Нидерландах и Франции в 1960-е, когда наступил решающий момент, христианские социальные дви-

жения солидаризовались с реакционным и антилевым авторитаризмом в Австрии в 1927–1934 годах, в Нидерландах в 1918 и 1954 годах, в Германии в 1933 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.